

ПРОФЕССОРСКИЙ ЖУРНАЛ.

Серия: РУССКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77 - 74822 от 21.01.2019

№ 2(26)/2026

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Л.П. Клобукова, д.п.н., профессор,
член-корреспондент РАО, академик МАНПО,
зав. кафедрой, МГУ имени М.В. Ломоносова

Зам. главного редактора по литературоведению:

М.М. Голубков, д.ф.н., профессор, зав. кафедрой,
МГУ имени М.В. Ломоносова

Зам. главного редактора по лингвистике:

Е.Н. Виноградова, д.ф.н., доцент, МГУ имени М.В. Ломоносова

Ответственный секретарь:

Е.А. Чернышенко, к.ф.н., доцент, МГУ имени М.В. Ломоносова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И.Б. Авдеева, д.п.н., профессор, действительный член
Петровской Академии наук и искусств, МАДИ

Э.Г. Азимов, д.п.н., профессор, ГИРЯ имени А.С. Пушкина

Е.Л. Бархударова, д.ф.н., профессор, зав. кафедрой,
МГУ имени М.В. Ломоносова

С.И. Богданов, д.ф.н., профессор, член-корреспондент РАО,
и.о. академика-секретаря Отделения российской словесности РАО

Л.Д. Бугаева, д.ф.н., доцент, СПбГУ

А.Н. Варламов, д.ф.н., профессор, ректор,
Литературный институт имени А.М. Горького

А.Д. Дейкина, д.п.н., профессор, МПГУ

Л.А. Дунаева, д.п.н., профессор, зам. декана,
МГУ имени М.В. Ломоносова

Е.И. Зиновьева, д.ф.н., профессор, СПбГУ

В.Б. Катаев, д.ф.н., профессор, заслуженный деятель
науки РФ, зав. кафедрой, МГУ имени М.В. Ломоносова

А.В. Коротышев, к.п.н., директор секретариата РОПРЯЛ,
МАПРЯЛ, руководитель Центра социолингвистических
исследований РУДН

В.В. Красных, д.ф.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Е.А. Кузьмина, д.ф.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

О.В. Макарова, к.п.н., старший преподаватель,
МГУ имени М.В. Ломоносова

М.С. Макеев, д.ф.н., профессор, и.о. зав. кафедрой, МГУ имени
М.В. Ломоносова

Ю.Б. Мартыненко, к.ф.н., доцент, МПГУ

Л.В. Московкин, д.п.н., профессор, почетный работник сферы
образования РФ, СПбГУ

Н.В. Поморцева, д.п.н., профессор, декан, РУДН

Т.И. Попова, д.ф.н., профессор, СПбГУ

И.Н. Сухих, д.ф.н., профессор, СПбГУ

Л.А. Трахтенберг, д.ф.н., доцент, МГУ имени М.В. Ломоносова

М.Ю. Федосюк, д.ф.н., профессор, МГУ имени Ломоносова

Д.М. Фельдман, д.ист. наук, профессор РГГУ

Е.А. Хамраева, д.п.н., профессор, зав. кафедрой, МПГУ,
директор межвузовского центра билингвального
и поликультурного образования, РГПУ имени А.И. Герцена

Т.В. Шмелева, д.ф.н., профессор, Новгородский
государственный университет имени Ярослава Мудрого

Д.А. Щукина, д.ф.н., профессор, зав. кафедрой,
Санкт-Петербургский горный институт

И.И. Яценко, к.п.н., доцент, МГУ имени М.В. Ломоносова

ЛИНГВИСТИКА:

СЛОВО, ВЫСКАЗЫВАНИЕ, ТЕКСТ, ДИСКУРС

О.В. Шкуран

Методика описания библейских крылатых
выражений в словаре М.И. Михельсона

«Русская мысль и рѣчь. Свое и чужое»2

РУССКИЙ ЯЗЫК В ЗЕРКАЛЕ ДРУГИХ ЯЗЫКОВ

М. Эстири, Б. Чераги

Средства выражения желательности в русском языке
и способы ее репрезентации в персидском языке13

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Б.В. Соколов

Ведьмы Антона Чехова, Ивана Бунина

и Михаила Булгакова: таинственная связь26

Р.Г. Хизриева

Человек улучшенный»: вампиризм

как предчувствие трансгуманистической эры

в романе В.О. Пелевина «Ампиr V»34

ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Е.Б. Демидова

Система работы над пониманием иронического подтекста
на занятиях по русскому языку как иностранному42

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

В.Д. Янченко, И.И. Языков, Н.В. Медведева

«Развитие интеллектуальных способностей учащихся
и применение искусственного интеллекта
в процессе обучения русскому языку»:

Международная научно-практическая конференция53

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ В ЛИЦАХ

Памяти Киры Анатольевны Роговой

(15.2.1931–25.2.1926)55

Адрес редакции:

115035 г. Москва, Космодамианская
набережная д. 26/55, стр. 7
e-mail: redactor@profsobranie.ru

Адрес для приёма статей:
professor_rll@mail.ru

Учредитель

Общероссийская общественная
организация «Российское
профессорское собрание»
(115035, г. Москва, Космодамианская
набережная 26/55, стр. 7)

Издатель

Общероссийская общественная
организация «Российское
профессорское собрание»
(115035 г. Москва, Космодамианская
набережная д.26/55, стр.7)

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), в перечень научных изданий ВАК.
Подписной индекс в объединенном каталоге «Урал-Пресс» — 79623.

Подписан в печать: 14.04.2026. Дата выхода в свет: 23.04.2026

Методика описания библейских крылатых выражений в словаре М.И. Михельсона «Русская мысль и рѣчь. Свое и чужое»*

Оксана Владимировна Шкуран,

кандидат филологических наук, доцент, старший преподаватель
Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы (*Москва, Россия*);
научный сотрудник

Санкт-Петербургский государственный университет

ORCID: 0009-0006-1761-9995

E-mail: oksana.shkuran@mail.ru

Статья посвящена первому развёрнутому описанию крылатых библейских выражений, внесенных в двухтомный словарь М.И. Михельсона «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний» (1902–1903 гг.). Первый лингвистический словарь, аккумулирующий признаки лингвистического, этимологического, энциклопедического и лингвокультурологического словаря в российской лексикографии, демонстрирует оригинальный подход автора в представлении библеизмов в народном языке и формирует принципы составления вокабул, которые актуализированы в словарях крылатых выражений современной эпохи. Таким образом, М.И. Михельсоном был создан уникальный лексикографический мост между библейским текстом и живым русским языком XIX века, который целесообразно использовать для диахронного анализа лексикографических изданий и формирования комплексной базы динамики внесения крылатых выражений.

Ключевые слова: библейские крылатые выражения, дидактическое значение лексикографического источника, словарная вокабула, библейские прототипы пословиц, инварианты библеизмов.

В декабре 2025 года исполнилось 200 лет со дня рождения выдающегося российского филолога, педагога, переводчика и общественного деятеля Морица Ильича Михельсона (1825–1908). Можно много говорить о его плодотворной научной и педагогической, а также общественно-попечительской деятельности, за которую он был награждён 1868 году орденом Святого Владимира 4-й степени и был возведён в дворянское достоинство. В рамках данной журнальной статьи, посвя-

щённой юбилею М.И. Михельсона, мы сможем подробнее остановиться лишь на характеристике главного вклада учёного в отечественную науку, связанного с созданием двухтомного словаря «Русская мысль и рѣчь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных словъ и иносказаний» [Михельсон 1902–1903]¹.

¹ В тексте статьи данное лексикографическое издание будет также называться сокращённо: Словарь.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-18-00252 «Библейское наследие восточнославянских языков в лингвокультурологической и лексикографической интерпретации (Большой русско-белорусско-украинско-руси́нский словарь библеизмов)» в рамках программы «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами».

Словарь, явившийся результатом более чем двадцати лет углублённых занятий автора проблемами общей и русской фразеологии, сразу же был признан одним из самых заметных лексикографических трудов начала XX столетия. Он был удостоен Императорской Академией наук премии митрополита Макария. Однако после революции по причине резко негативного отношения КПСС к религии и к Библии Словарь был незаслуженно забыт и получил «новую жизнь» лишь в постсоветский период (см., в частности, переиздания словаря 1994 и 1997 гг.).

Как пишет К.П. Сидоренко, «фразеологам-теоретикам материалы словаря могут показаться противоречивыми. Этим, возможно, объясняется тот факт, что в период «фразеологического бума» 60–70 гг. словарь был слабо востребован, ощущался и некоторый снобизм по отношению к этому изданию, стремление использовать его лишь как справочник по так называемым «крылатым словам» и иноязычным выражениям. Негласное неодобрение в советское время объясняется и идеологическими причинами, подбором материала, обилием библеизмов, неприемлемой трактовкой идеологем» [Сидоренко 2010: 70].

Действительно, библейской тематике в Словаре уделялось большое внимание, в особенности интерпретации в нём наиболее известных библейских фразеологизмов. Именно эта информация послужила логическим обоснованием выбора нами словаря [Михельсон 1902–1903] для изучения методики описания библейских цитат. В статье впервые будут системно охарактеризованы содержащиеся в Словаре библейские крылатые единицы и их прототипы, выраженные пословицами и поговорками. Задача статьи заключается в освещении

оригинального подхода автора Словаря к репрезентации библейских фразеологических единиц (далее — БФЕ) в вокабулах данного лексикографического издания.

Словарь достойно продолжал начатую в конце XIX века лексикографическую традицию описания наиболее значимых слов и устойчивых выражений. Нельзя при этом не сказать, что в основу рассматриваемого Словаря было положено более раннее лексикографическое издание, подготовленное самим М.И. Михельсоном («Мѣткія и ходячія слова»; около 4400 вокабул), впервые опубликованное в 1892 г. и позже переизданное в 1896 г.

Словарь, изданный в 1902–1903, содержит более 14 000 вокабул (включая 697 вокабул, обращённых к библейским по происхождению выражениям) и нацелен на ознакомление читателя с цитатами из Библии, примерами из художественной литературы, иностранными аналогами русских крылатых выражений, пословиц, поговорок и т. п.

В изданном в начале XX века Словаре, подводящем итоги многолетнего изучения автором «своего и чужого» в русской лексике и фразеологии, были даны обстоятельные толкования исконным и заимствованным словам и выражениям русского языка, среди которых было множество имен собственных, фразеологизмов и пословиц. М.И. Михельсон анализировал их этимологию и употребление в религиозных и художественных сочинениях, мифологии и Библии, устном народном творчестве, научных публикациях по истории России: «Избранное чтение, как и умная бесѣда, неоспоримо составляютъ духовную пищу челоуѣка, какъ кушанья составляютъ тѣлесную пищу его» [Михельсон 1902–1903: 11]. Как пишет С.Г. Шулежкова, «автор этой фундаментальной

работы не ставил перед собой задачи описания крылатых слов как особых языковых единиц... в его собрании мирно уживаются библеизмы и мифологизмы, литературные цитаты и изречения великих мира сего, пословицы и меткие народные словечки, подлинные идиомы, утратившие всякую связь с источником...» [Шулежкова 2001: 8].

При общей характеристике типа рассматриваемого нами Словаря уместно применить комплексный подход, выработанный отечественной и зарубежными лексикографическими школами. Словарь сочетает черты различных видов лингвистических словарей. По языку описания он является многоязычным (русс., ц.-славян., лат., греч., нем.); по порядку расположения входных единиц это словарь алфавитный; по объему представленного материала — большой; по оформлению — печатный; по целевому охвату лексики — для общих целей с культурологической направленностью; по перспективе описания языка — синхронический; по лексикографической форме — общий, включающий единицы лексикографического описания больше слова; по виду языковой деятельности — аспектный; по подходу к лексикографическому описанию — антропоцентрический. Целевой аудиторией словаря в момент его создания мог быть любой образованный человек дореволюционной России, поскольку базовое классическое образование предусматривало владение древними языками (греческим и латынью) и основами религиозной культуры [Ступин 1985; Дубичинский 1994; Карпова, Ужова 2004].

Следует отметить неоднородность состава рассматриваемого словаря, поскольку широкий объем слов, фразеологизмов, паремий и прочих объектов лексикографического описания требо-

вал различных подходов к обработке материала. В частности, *словарь* совмещал черты лингвистического и энциклопедического словарей, что проще показать на примере вокабул, посвящённых лексикографическому портрету не БФЕ, а слов.

Так, например, 26 словарная статья 1-го тома Словаря — **Авгуры** — начинается с однословного синонимического толкования заглавного слова статьи вокабулы ('предвещатели'), сопровождаемого контекстуальным примером из стихотворной сказки («волшебной повести») М.М. Хераскова «Бахариана, или Неизвестный», затем даётся иноязычный аналоговый контекст из трагедии Ф. Шиллера «Die Braut von Messina» («Месинская невеста»), содержащий немецкое соответствие слову *авгур* (*der Seher*), представлены античные (латинское и греческое) соответствия, а в конце словарной статьи предлагается компактная информация энциклопедического типа, дающая представление о роде занятий авгуров и их социальном статусе:

Авгуры — предвѣщатели.

Ср. *При сихъ словахъ ударилъ громъ...*

«Когда бы были здѣсь авгуры»,

Софантъ съ усмѣшкою сказалъ:

«Къ добру иль къ худу громъ звучалъ,

Сказали-бъ вещица намъ куры»

М.М. Херасковъ. Бахариана.

Волшеб. пов.

Ср. *Die Kunst der Seher ist ein eitles Nitchs,*

Betrüger sind sie oder sind betrogen!

Ср. Augur. Haruspex.

Предвѣщатель по внутренностямъ животныхъ — haruspex, предвѣщатель по грому, молніи и по полету птицъ — augur, авгуръ. Авгуры пользовались громаднѣмъ уваженіемъ и вниманіемъ; они выбиравались изъ самыхъ уважаемыхъ лицъ и были несмѣняемы [Михельсон 1902, т.1: 4].

Энциклопедическая трактовка языкового материала характерна и для многих других словарных статей Словаря, см., в частности, представление в нём прилагательного *августейший*:

Августѣйшій (прибавляется к титулу державныхъ особъ). *Это слово получило начало отъ Римскаго Императора Октавіана, получившаго отъ сената названіе Augustus (величественный) 13 янв. 27-го года до Р. Х. в знакъ благодарности за сложеніе съ себя диктаторской власти* [Михельсон 1902, т.1: 4].

Подобные примеры дают право уверенно говорить о реализации в Словаре комплексного подхода к описанию лексикографируемых языковых единиц.

М.И. Михельсон последовательно применял в Словаре строго алфавитный принцип представления вокабул, в том числе и в тех случаях, когда инициальный компонент составной вокабулы не являлся смысловым центром устойчивого сочетания, которому была посвящена словарная статья, напр.: Б — № 103. *Безъ бороды и въ рай не пустятъ* [Михельсон 1902, 1 т.: 47]; В — № 446. *Всякое даяніе благо* [Михельсон 1902, 1 т.: 138]; Г — № 109. *Гдѣ тонко, тамъ и рвется* [Михельсон 1902, 1 т.: 47] и др.

Словарь включает множество библейских собственных имен — прежде всего антропонимов, (*Агасверъ, Адамъ, Альбіонъ, Лазарь, Голиафъ, Гогъ и Магогъ, Давидъ и Юанафанъ, Иисусъ Назарей, Іовъ, Іуда, Енохъ, Лотъ, Магдалина, Мафусаилъ, Молохъ, Моисей, Нимродъ, Пентефрій, Савлъ, Саулъ, Серафимъ, Симонія, Хамъ, Фома, Яковъ*) и астионимов (названий городов и поселений: *Вавилонъ, Капернаумъ, Содомъ и Гоморра* и др.).

Особенностью Словаря является сочетание ресурсов русского языка с привлечением иноязычного материала, и использование целого комплекса при-

емов отсылки к библейскому тексту. Особый интерес представляет установление М.И. Михельсоном связи между живой русской речью, пословицами, поговорками и библейскими текстами. Такое межъязыковое взаимодействие было обусловлено творческой активностью русского народа, фольклорной переработкой библейских цитат, приводившей к созданию новых, не существующих в Библии, устойчивых выражений на базе библейских образов и сюжетов.

На основе нравоучительного образа той или иной пословицы или поговорки и их внутренней формы в Словаре часто бывает представлено обилие библейских параллелей, напр.: № 100. *Безъ Бога не помудруешь = Начало мудрости — страх Господень; глупцы только презируют мудрость и наставление* (Притч 1,7) [Библия 2010: 596]; № 114. *Без корня и полынь не растет = И вожди сего народа введут его в заблуждение, и водимые ими погибнут* (Ис 9,16) [Библия 2010: 687]; № 229. *Богатство умъ дает (рождаетъ), Богатый вретъ — никто его не уйметъ = Заговорил богатый, — и все замолчали и превознесли речь его до облаков* (1Сир 13,28) [Библия 2010: 652]; № 467. *Бѣды челоувѣка научаютъ мудрости, Что мучитъ, то и учитъ = ... хотя Он и Сын, однако страданиями навѣкъ послушанию* (Евр. 5:8) [Библия 2010: 1026] и др. Автор Словаря не давал толкования к паремиям, а использовал библейские цитаты, благодаря которым и показывается глубокий смысл народного назидательного выражения и его национально-обусловленная духовная связь с текстом Священной книги. «В корпусе библеизмов благодаря указанным причинам создается довольно большая группа «непонятных в понятном» (или, наоборот, понятных в непонятном) выражений, которые требуют особого

анализа — и собственно лингвистического, и культурологического (включая и теологический комментарий)» [Мокиенко 1989: 90].

Вслед за А.В. Куниным, установившим принципы разграничения типов фразеологической номинации (см.: [Кунин 1982]), все БФЕ, представленные в Словаре, можно классифицировать следующим образом: инвариантные и варианты БФЕ,

1. Инвариантные БФЕ, сохраняющие дословность выдержки из библейских текстов, напр.:

№ 186. *Благую часть избрать* (Лук. 10, 39–42) = *У неё была сестра, именем Мария, которая села у ног Иисуса и слушала слово Его. Марфа же заботилась о большом угощении и, подойдя, сказала: Господи! или Тебе нужды нет, что сестра моя одну меня оставила служить? скажи ей, чтобы помогла мне. Иисус же сказал ей в ответ: Марфа! Марфа! ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно; Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у неё* [Евангелие 2019: 235].

№ 260. *Волосы дыбомъ* (Иов 4, 13–15) = *Среди размышлений о ночных видениях, когда сон находит на людей, объял меня ужас и трепет и потряс все кости мои. И дух прошёл надо мною; дыбом стали волосы на мне* [Библия 2010: 518–519].

№ 416. *Козни строить* (1 Сир 11,32) = *От искры огня умножаются угли, и человек грешный строит козни на кровь* [Библия 2010: 651].

Мы видим, как представлена взаимосвязь первоисточника с использованием отсылочного способа формирования семантики БФЕ. В отличие от прямого способа составления вокабулы, когда значение содержится непосредственно в словарной статье, отсылочный способ предполагает перенаправление читателя к библейскому

тексту. Автор словаря дает «толчок» для понимания библеизма в первоисточнике, используя когнитивный сценарий, описывая последовательность событий и структурируя эту информацию.

2. Вариантные БФЕ, представленные сходными по смыслу паремиями, напр.:

№ 107. *Вечеръ плачь, а заутра радость* (Пс 29,6) = *...ибо на мгновение гнев Его, на всю жизнь благоволение Его: вечером водворяется плач, а наутро радость* [Библия 2010: 546].

№ 229. *Богатство умъ дает (рождаетъ). Богатый вретъ — никто его не уймётъ* (1 Сир. 13,28) = *Заговорил богатый, — и все замолчали и превознесли речь его до облаков* [Библия 2010: 652].

№ 191. *Блаженъ, кто въруетъ, — тепло тому на свѣтъ* (Марк. 16,16) = *Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет* [Евангелие 2019: 181].

№ 388. *Всѣ на свѣтъ случай* (Еккл. 9,2) = *Всему и всем — одно: одна участь праведнику и нечестивому, доброму и злему, чистому и нечистому, приносящему жертву и не приносящему жертвы; как добродетельному, так и грешнику; как клянущемуся, так и боящемуся клятвы* [Библия 2010: 623].

Возможно, что паремии косвенно относятся к библейским цитатам и не квалифицируются как БФЕ, однако они восходят к библейским прототипам и содержат сакральный смысл. Как писал М.А. Шолохов, «меткий и образный русский язык особенно богат пословицами. Их тысячи, десятки тысяч! Как на крыльях, они перелетают из века в век, от одного поколения к другому, и не видна та безграничная даль, куда устремляет свой полет эта крылатая мудрость...» [Шолохов 1957: 339].

Современное звучание паремий определило характер их временных

рамок существования. Независимо от того, когда пословица возникла, и с каким историческими или культурными событиями связана, она иллюстрирует ту эпоху, в которой жил автор словаря. «Однако ее настоящее время не является исторически обусловленным, а относится к любой эпохе, поскольку утверждаемые в пословицах истины воспринимаются как бесспорные и значимые» [Иванов, Маслова, Мокиенко 2022: 127].

Выделим следующие группы вариантов БФЕ.

Варьирование по форме:

— фонетические и орфографические замены компонентов БФЕ:

№ 165. *Гласъ народа, гласъ Божий* (Исаия, 66,6) = *Вот, шум из города, голос из храма, голос Господа, воздающего возмездие врагам Своим* [Библия 2010: 728].

№ 155. *Вина и Сикера* (Притч 20,1) = *Вино и сикера* [Библия 2010: 609].

— БФЕ, содержащие слова, различающиеся грамматически и в плане словообразования (изменение грамматической формы компонента — числа, вида глагола, падежа, суффикса, префикса и т. д.):

№ 108. *День хвалится вечеромъ* (Притч 27,1) = *Не хвались завтрашним днем, потому что не знаешь, что родит тот день* [Библия 2010: 614].

№ 774. *Верность до смерти* (Апок. 2,10) = *Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни* [Библия 2010: 1055].

№ 353. *Бросать въ кого-нибудь камень* (Иоан 8,7) = *...кто из вас без греха, первый брось на неё камень* [Евангелие 2019: 330].

№ 155. *Виноватого кровь вода, а невинного бѣда* (Пс 78,3) = *...пролили кровь их, как воду, вокруг Иерусалима, и некому было похоронить их* [Библия 2010: 568].

№ 217. *Воды не замутить* (Иезек 34, 18–19) = *Разве мало вам того, что па-*

сетесь на хорошей пажити, а между тем остальное на пажити вашей топчете ногами вашими, пьете чистую воду, а оставшуюся мутите ногами вашими [Библия 2010: 828].

— БФЕ, отличающиеся как полная и сокращенная разновидности (в таком случае их отношения идентичны отношениям, существующим между полными и сокращенными словами):

№ 39. *Дары и мудрыхъ ослепляютъ* (Втор. 16,19) = *Не извращай закона, не смотри на лица и не бери даров, ибо дары ослепляют глаза мудрых и превращают дело правых* [Библия 2010: 186].

№ 65. *Двое дерутся, третій не подходит* (Притч. 26,17) = *Хватает пса за уши, кто, проходя мимо, вмешивается в чужую ссору* [Библия 2010: 614].

№ 580. *Въ огонь и въ воду* (Матф. 17,15) = *... сказал: Господи! помилуй сына моего; он в новолуния беснуется и тяжело страдает, ибо часто бросается в огонь и часто в воду* [Евангелие 2019: 62].

№ 65. *Адъ выстланъ добрыми намерениями* (1 Сир 21,11) = *Путь грешников вымощен камнями, но на конце его — пропасть ада* [Библия 2010: 658].

II. Варьирование лексического состава

Эта группа вариантов БФЕ является самой многочисленной, напр.:

№ 263. *Голым родился, голъ и умрешь* (Иов 1,21) = *... и сказал: наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь. Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно!* [Библия 2010: 512].

№ 371. *Грѣхи молодости* (Пс 24,7) = *Грехов юности моей и преступлений моих не вспоминай; по милости Твоей вспомни меня Ты, ради благости Твоей, Господи!* [Библия 2010: 544].

№ 384. *Грязью играть, лишь руки мазать* (1 Сир 13,1) = *Кто прикасается к смоле, тот очернится, и кто входит*

в общение с гордым, сделается подобным ему [Библия 2010: 652].

№ 50. *Дающего рука не оскудеет* (Прем. Сол. 28,27) = *Дающий нищему не обеднеет; а кто закрывает глаза свои от него, на том много проклятий* [Библия 2010: 641].

№ 89. *Какъ дымъ исчезнуть* (Пс 67, 1–2) = *Как рассеивается дым, Ты рассеи их* [Библия 2010: 561].

Необходимо отметить, что учет вариативности и синонимии БФЕ очень важен, поскольку при варьировании один из компонентов БЕ может заменяться на какой-то другой, тем самым расширяя круг рассматриваемых нами единиц, потому что они входят в их состав на условиях равноправия. Тем более важно учитывать варианты и синонимы при рассмотрении БФЕ из лексикографических трудов М.И. Михельсона, так как устная речь, в большой степени послужившая материалом для их создания, является богатейшим источником как фразеологического варьирования, так и фразеологической синонимии. В отличие от фразеологической вариативности, фразеологическая синонимия выходит за рамки библейской фразеологии.

Сравним, напр.:

№ 166. *Держи языкъ на привязи* (Пс. 33,14) = *Удерживай язык свой от зла и уста свои от коварных слов* [Библия 2010: 548] —

модель *держи (кусай) язык на* + обстоятельство образа действия (*на привязи, от коварных слов, за зубами, за пазухой, на веревочке, около себя* и др.);

№ 372. *Больше той любви не бывает, как другъ за друга умирають* (Иоан. 15,13) = *Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих* [Евангелие 2019: 361] —

модель *нет больше той любви, как* + глаг. (*умереть, положить, отдать*) + за сущ. (*душу, друга, жизнь*).

№ 367. *Другъ денегъ дороже* (1 Сир. 6,15) = *Верному другу нет цены, и нет меры доброте его* [Библия 2010: 647] —

модель *Сущ. (время, друг, дружба, здоровье) + дороже денег (нет цены, нет меры)*.

№ 270. *Какова мать, такова и дочь* (Иезек. 16,44) = *Вот, всякий, кто говорит притчами, может сказать о тебе: «какова мать, такова и дочь»* [Библия 2010: 808] —

модель *Каков (-а) сущ. (мать, царь, поп), таков(-а) и сущ. (дочь, орда, приходъ)*.

Возможно, замена одного компонента другим, по мнению А.И. Федорова, меняет образное представление, оценочную и стилистическую окраску как БФЕ, так и библейского прототипа-паремии [Федоров 1973], но проф. В.М. Мокиенко поддерживает такое моделирование в тематическом круге лексики и считает структурно-семантическую близость выражений на основе единства внутренней мотивировки оправданной. «Благодаря этим условиям лексические замены в вариантах фразеологических единиц носят строго закономерный, системный характер» [Мокиенко 1989: 33].

Не стоит путать варианты моделей и синонимы. Как пишет Ю.С. Степанов, следует заметить, что различие между вариантами и синонимами «устанавливается с гораздо большим трудом, чем в отношении слова. Причина трудности заключается в том, что фразеологизм варьируется с гораздо большим размахом, чем слово: в состав фразеологизма обычно входит большое число компонентов, и каждый из них (и, кроме того, их соотношение) в принципе допускает варианты» [Степанов 1975: 58–59]. Рассмотрим несколько примеров БФЕ и библейских прототипов-синонимов, зафиксированных в исследуемом словаре:

№ 634. *Красная нить* (Ис. Нав. 2,18–19) = ... *вот, когда мы придем в эту землю, ты привяжи червленую веревку к окну, через которое ты нас спустила, а отца твоего и мать твою и братьев твоих, все семейство отца твоего, собери к себе в дом твой* [Библия 2010: 206].

№ 310. *Кротостью и хитростью* (Матф. 10,16) = *Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: итак, будьте мудры, как змии, и просты, как голуби* [Евангелие 2019: 34].

В словаре Морица Ильича можно выделить несколько групп библейских прототипов, различающихся по жанрам. Большую часть составляют пословицы и поговорки, поскольку они самые продуктивные и распространенные малые фольклорные жанры, сохранившиеся до наших дней, обладают наибольшей устойчивостью из всех жанров фольклора, кратки, афористичны и разнообразны по своему тематическому содержанию.

В словаре представлены две основных формы паремий — **иносказание** и **прямое высказывание**, напр.:

— иносказание:

№ 60. *Если гора не идет к Магомету, то Магомет должен идти к горе* (1Кор. 13,2); № 224. *Завтраками кормить* (Притч 4,28); № 245. *За тобою, что за камынную стеною* (Притч 8,11); № 86. *Живая собака лучше мертвого льва* (Еккл 9,4); № 92. *Живого мѣста нетъ* (Пс 37,4); № 5. *За битого двухъ небитыхъ даютъ, да не берутъ* (Притч 23,13–14; 1Сирах 31,1); № 21. *За весельемъ горестъ ходитъ по пятамъ* (Притч 14,13) и др.

— прямое высказывание:

№ 58. *Если бы не законъ, не было бы преступника* (Римл. 4,15; 3,20; Втор. 27,26); *Другу не дружить, а недругу не мстить* (Римл 12,19); № 377. *Друзей у богатыхъ, что мякины около зерна*

(Притч. 14,20; 1Сир 6,15); № 416. *Дурные сообщества портятъ хорошіе нравы* (Ер 70,2; 1Кор 15,33); № 417. *Всѣ, взявшие мечъ, мечемъ погибнутъ* (Матф 26, 51–52; Апок 13,10); № 421. *Всѣ за одного и одинъ за всѣхъ* (2Кор 5,15) и др.

Основным структурным принципом таких паремий-библейских прототипов является **применение художественного тропа**, напр. гиперболы (№ 350. *Москва отъ копеечной свѣчки сгорала* (1Сир 19,1)), метонимии: № 1. *Иудино лобзанье* (Матф 26,25); *Призывать въ свидетели небо и землю* (Втор 4,26; 30,19). Наиболее часто употребляются художественные тропы *метафора* и *сравнение*, основанные на художественной выразительности, эмоциональности и глубине библейского текста, напр.:

сравнение (№ 134. *Как одинъ человекъ* (Суд 20,8; 20,11); № 143. *Какъ птица небесная питаться* (Матф 6,26); № 70. *Какъ бѣльмо на глазу* (Числ 33,55); № 107. *Какъ Лотова жена стоять* (Быт 19,26); № 85. *Какъ в море льются быстрые воды, Такъ въ вѣчность льются дни и годы* (Еккл 1,7);

метафора (№ 243. *Капля по капле и камень долбитъ* (Иов 14,19); № 321. *Моль одежду тлитъ, а печаль сердце* (Пр 25,20); № 366. *Мудрость старости чести* (Иов 32, 6–10); № 376. *На усъ мотать* (Притч 6,20–21; Втор 6,8); № 915. *Праздность есть мать всехъ пороковъ* (1Сир 33,28); № 675. *Не мечите бисеръ передъ свиньями, да не попрутъ его ногами* (Матф 7,6; Притч Сол 23,9) и др.

Характерной особенностью паремий является максимальная экономия словесного материала посредством соединительных союзов, т. е. библейские цитаты ограничиваются и достигают смысловой емкости:

художественный тематический параллелизм, напр.: № 39. *Малъ языкъ,*

да всемъ теломъ владеетъ (Іак 3,4) = ... так и язык — небольшой член, но много делает. Посмотри, небольшой огонь как много вещества зажигает! № 494. Кому много дано, съ того много спросится (Лук 12,48) = И от всякого, кому дано много, много и потребуется, и кому много вверено, с того больше взыщут;

отрицательный параллелизм, напр.: № 19. На Бога положишься, не обложишься (Пс 21,5–6) = На Тебя уповали отцы наши; уповали, и Ты избавлял их; к Тебе взывали они, и были спасаемы; на Тебя уповали, и не оставались в стыд; № 830. Не спѣши карать, спѣши выслушать (Втор 19,15) = Недостаточно одного свидетеля против кого-либо в какой-нибудь вине и в каком-нибудь преступлении и в каком-нибудь грехе, которым он согрешит: при словах двух свидетелей, или при словах трех свидетелей состоится дело;

ритмический параллелизм, напр.: № 444. Колоколъ въ церковь сзываетъ, а самъ въ церкви не бываетъ (Матф 23,23) = ... итак, все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте, ибо они говорят, и не делают; № 548. Конѣ добрый — да не ѣзженъ, хорошѣ паренѣ — да не ученѣ (1Сир 30,8) = Не возноси себя, чтобы не упасть и не навлечь бесчестия на душу твою;

антитеза, напр.: № 194. На ретиво-го коня не кнутъ, а возжи (Римл 10, 2) = Ибо свидетельствую им, что имеют ревность по Боге, но не по рассуждению; № 1039. При сытости помни голодъ, а при богатствѣ не забывай убожества (1 Сир 18,25) = Во время сытости вспоминай о времени голода, и во дни богатства — о бедности и нужде и др.

В композиционном отношении паремии в словаре представляют собой **одночленные, двучленные и многочлен-**

ные строения, а соотношения составных частей интонационно симметричны и чаще рифмуются, напр.:

№ 884. Не хвались, а прежде Богу помолись (Притч Сол 16,18) = Погибели предшествует гордость, и падению — надменность;

№ 528. Не въ бровь, а прямо в глазъ (Еккл 12,11) = Слова мудрых — как иглы и как вбитые гвозди, и составители их — от единого пастыря; № 565. Не годы старятъ, а горе (1Сир 30,26) = Ревность и гнев сокращают дни, а забота — прежде времени приводит старость; № 602. Вѣтника не сломишь, а прутья, по одному, всѣ переломишь (Рим 12,16) = Будьте единомысленны между собою; не высокоумствуйте, но последуйте смиренным; не мечтайте о себе.

многочленные: №463. И рябь, да любовь, и кось, да на меня похожъ (1Сир 8,4) = Не спорь с человеком, дерзким на язык, и не подкладывай дров на огонь его; № 28. Обманомъ города берутъ, обманщики обманываютъ, а лѣгковерные вѣрятъ (2Тим 3,13) = Злые же люди и обманщики будут преуспевать во зле, вводя в заблуждение и заблуждаясь; № 670. Со Спаса деретъ, да на Николу кладетъ, Церковь грабитъ, да колокольню кроетъ (2Кор 11,8) = Другим церквам я причинял издержки, получая от них содержание для служения вам; и, будучи у вас, хотя терпел недостаток, никому не докучал и др.

Как видим, минимализм паремий-библейских прототипов помогает достичь сжатости и достигает запоминаемости, смысловой универсальности и убедительности. Л.Б. Савенкова пишет, что паремия «устойчивое в языке и воспроизводимое в речи анонимное обобщающее изречение, хотя бы часть элементов которого наделена переносным значением и которое пригодно к использованию в дидактических целях» [Савенкова 2002: 100]. Носитель

языка самостоятельно выбирает то сжатое суждение-паремию, которое запомнилось и автоматически используется в устной речи, «пословиц “для всех” нет, поскольку их употребляют по индивидуальному вкусу, в зависимости от языковой компетенции и отношению к Слову как эстетической категории» [Савенкова 2002: 17].

Таким образом, М.И. Михельсон сделал значительный шаг в методике описания БФЕ и библейских прототипов-паремий, создал фундаментальный лексикографический труд с 697 вокабулами устойчивых выражений из библейских текстов с приемом от-

сылки, чем расширил дидактическое значение лексикографического источника с энциклопедической и лингвистической информацией и заслужил внимательного отношения к употреблению библейских выражений, отражающих языковую традицию, а не библейский канон. Переработка библейских цитат и представление прототипов-русских пословиц и поговорок на базе библейских образов и сюжетов подчеркивает важность и нужность лексикографического труда М.И. Михельсона и требует дальнейшего исследования на стыке лингвистики и лингвокультурологии.

Литература

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Российское библейское общество, 2010. 1346 с.
2. Дубичинский В.В. Искусство создания словарей. Конспекты по лексикографии. Харьков: ХГПУ, 1994. 104 с.
3. Иванов Е.Е., Маслова В.А., Мокиенко В.М. Наследие Библии в языках и культурах народов России и Белоруссии. М.: РУДН, 2022. 406 с.
4. Карпова О.М., Ужова О.А. Лингвострановедческий словарь как средство оптимизации диалогом между культурами // Культура взаимопонимания и взаимопонимание культур. Воронеж, 2004. Ч. 1. С. 95–102.
5. Кунин А.В. Типы фразеологической номинации // Способы номинации в современном русском языке. / Отв. Ред. Шмелев Д.Н. М.: Изд-во АН СССР, 1982. С. 81–99.
6. Михельсон М.И. Русская мысль и рѣчь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборникъ образныхъ словъ и иносказаній. СПб.: Типографія Императорской Академіи Наукъ. 1 т. — 1902. 779 с.; 2 т. — 1903. 580 с.
7. Мокиенко В.М. Славянская фразеология: Учеб. пособие для вузов по спец. «Рус. яз. и лит.». М.: Высш. шк., 1989. 287 с.
8. Савенкова Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. Ростов-на-Дону: изд-во Рост. ун-та, 2002. 240 с.
9. Святое Евангелие. М.: Сибирская Благовонница. 2019. 383 с.
10. Сидоренко К.П. Выдающийся педагог и лингвист. К 185-летию со дня рождения М.И. Михельсона // Люди, годы. Жизнь. СПб., 2010. С. 69–71.
11. Степанов Ю.С. Непредельные (недискретные) единицы лексики. Фразеология // Основы общего языкознания. М.: Просвещение, 1975. С. 53–62.
12. Ступин Л.П. Лексикография английского словаря: учебное пособие для институтов и факультетов иностранного языка. М.: Высшая школа, 1985. 168 с.
13. Федоров А.И. Развитие русской фразеологии в конце XVIII — начале XIX вв. Новосибирск: Наука, 1973. 171 с.

14. Шолохов М.А. Сокровищница народной мудрости / Предисловие к сборнику пословиц и поговорок, собранных В.И. Далем // М.А. Шолохов. Собрание сочинений. Т.8. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1957. С. 339–340.
15. Шулежкова С.Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. М.: «Азбуковник», 2001. 288 с.

Methods of Describing Biblical Wise Words in the Dictionary by M.I. Mikhelson “Russian Thought And Speech. Own and Foreign.”

Oksana V. Shkuran,

PhD in Philology, Associate Professor

RUDN University (*Moscow, Russia*);

Research Fellow,

St. Petersburg State University

E-mail: oksana.shkuran@mail.ru

The article is devoted to the first detailed description of the winged biblical expressions included in the two-volume dictionary by M.I. Mikhelson “Russian Thought and Speech. Own and Foreign. Experience of Russian Phraseology. Collection of figurative words and parables” (1902–1903). The first linguistic dictionary accumulating the features of linguistic, etymological, encyclopedic and linguocultural vocabulary in Russian lexicography demonstrates the author’s original approach in presenting biblical expressions in the vernacular and forms the principles of vocabulary compilation, which are updated in dictionaries of popular expressions of the modern era. A unique lexicographic bridge between the biblical text and the living Russian language of the 19th century has been created for the diachronic analysis of lexicographic publications and the formation of a comprehensive database of the dynamics of the introduction of winged expressions.

Key words: biblical winged expressions, didactic value of a lexicographic source, dictionary vocabulary, biblical prototypes of proverbs, invariants of biblicalisms.

*Статья подана 7 сентября 2025 г.
Одобрена к публикации 26 ноября 2025 г.*

DOI: 10.18572/2687-0339-2026-2-13-25

Средства выражения желательности в русском языке и способы ее репрезентации в персидском языке

Маджид Эстири,

кандидат филологических наук, доцент,
старший преподаватель кафедры иностранных языков
Университет г. Гонбад-Кавус (*Гонбад-Кавус, Исламская Республика Иран*)
ORCID: 0000-0003-0014-4330
E-mail: estiri@mail.ru;

Бахарэ Чераги,

кандидат филологических наук, ассистент профессора,
старший преподаватель кафедры русского и славянского языка и литературы
Университет имени Шахида Бехешти (*Тегеран, Исламская Республика Иран*)
ORCID: 0000-0001-7602-1308
E-mail: b_cheraghi@sbu.ac.ir

Исследование посвящено изучению языковых средств выражения желательности в русском и персидском языках. В статье конкретизирован состав лексических и грамматических средств выражения желательности как в русском, так и в персидском языке, произведено сопоставительное изучение данных средств выражения желательности с опорой на функциональный и контекстуальный критерии. Неосведомленность иранских русистов-студентов в особенностях функционирования русских синтаксических конструкций со значением желательности и незнание значений служебных единиц типа *как бы, пусть, только бы* и т. д. в данных конструкциях является одной из причин грамматических ошибок учащихся. Эквиваленты лексических средств выражения желательности в русско-персидских словарях представлены неконкретно или вообще не указаны. Авторами данного исследования русские конструкции со значением желательности были разделены на двадцать групп. Проведенный анализ показал, что неполнознаменательное слово персидского языка *kash (ei kash)*, способное выступать в функции служебной частицы, наиболее эффективно содействует отражению в персидском языке смысловых нюансов, выражаемых русскими конструкциями со значением желательности.

Ключевые слова: сопоставительный анализ русского и персидского синтаксиса, категория желательности, формальные типы выражения желательности в русском языке, семантические виды желательности, средства передачи значения желательности в персидском языке.

Постановка проблемы. Желательность как сегмент языка отражает разнообразную семантику желания. Как уже отмечалось специалистами в области синтаксической семантики,

в исследованиях таких ученых, как А.М. Пешковский, В.В. Виноградов, И.П. Распопов и Г.А. Золотова, «понятие желательности было введено в учение о предикативности и модальности,

а это, в свою очередь, обусловило его включение в систему ирреально-модальных значений объективной модальности» [Данилова, Петрова 2017: 37]. Е.В. Алтабаева дает такое определение желательности: «Желательность — основное мыслительное содержание концепта желания, которое объединяет в сознании субъекта реальный предметный мир и его идеальную картину» [Алтабаева 2007: 191], см. также [Алтабаева 2021]. По мнению А.В. Величко, «желательным называют то, что человек хочет иметь, чем он хочет обладать, к чему имеет склонность, что считает нужным, полезным» [Величко и др. 2018: 522]. Различные аспекты категории желательности детально рассмотрены также в «Русской грамматике» под ред. Н.Ю. Шведовой [РГ 1980] и статье [Парамонов 2008], а также в диссертационном исследовании [Колосова 2013] (последнее, выполненное с позиций сравнительного языкознания, для авторов данной публикации было особенно полезным).

В персидском языке, как и в русском, категория желательности является одним из проявлений обширной модальной категории ирреальности. Под ирреальностью как универсальной смысловой категорией понимается отображение языковыми средствами того события или факта, которые в действительности не состоялись [ЛЭС 1990: 303–304; ЭнциРЯ 2020: 354–366, 373–374]. Она мыслится как знак возможного, предполагаемого, желательного, необходимого действия.

В русском языке категория желательности выражается эксплицитными языковыми средствами разных типов: лексическими, лексико-грамматическими и собственно грамматическими [Величко и др. 2018: 522]. К лексико-грамматическим средствам

выражения желательности обычно относятся такие глаголы как *хотеть* (персидское соответствие: *khastan*) и *хотеться* (*del khastan, havas kardan*), составляющие лексическую основу категории желательности. Собственно лексические средства выражения оттенков значения желательности включают глаголы *желать* (*arezu dashtan*), *жаждать* (*moshtagh-e chizi budan*), *стремиться* (*tamayol dashtan*), *стараться* (*tamayol va reghbat dashtan*), *рваться* (*teshne-ye... budan*) и т. п. Значение желательности выражают также грамматические средства, способные к функционированию в сочетании с лексическими средствами в той или иной морфологической форме. Такова, например, частица *бы*, употребленная как формант глагольной формы сослагательного наклонения [Современный русский литературный язык 2001: 250]: *Я бы съел что-нибудь*. Но частица может быть и самостоятельным грамматическим средством выражения желательности (*Мне бы чаю*).

В персидском языке желательность выражается с помощью особых грамматических структур, состоящих из служебного слова междометного происхождения *kash* (*ei kash*) и сослагательного наклонения (*Kash an lahze morde budam* ‘Если бы я умер в тот момент’), а также номинативными предложениями (*baran* ‘дождь бы’), слов в функции предложений (*saket* ‘тихо’ в значении ‘тишины бы’) и т. д. Такие аналитические способы реализации семантики сослагательного наклонения употребляются для выражения «действия, которое говорящий считает желаемым» [Рубинчик 2001: 256].

Одним из морфологических показателей сослагательного наклонения является форма аориста, она использу-

ется при выражении желательности, возможности, необходимости, допущения и т. п. Аорист может образоваться из основы настоящего времени путем прибавления приставки *be-* и личных окончаний: *be-ravam* ('пошел бы'), *be-kharam* ('купил бы') и т. д.

Кроме аориста, значение желательности способно выражать также междометие *kash* (*ei kash*). Междометиями в персидском языке выступают слова, выполняющие функцию глагола или целого предложения (не имея при этом их формально-грамматических признаков) и используемые для номинации эмоциональных и эмоционально-волевых реакций на окружающую действительность [Там же].

Актуальность проведённого нами исследования обусловлена тем, что при изучении значения желательности с помощью разнообразных языковых средств русского языка и коммуникации на русском языке иранские студенты-русисты сталкиваются с большими трудностями, связанными как с отсутствием у учащихся полного и точного понимания семантики желательности, так и с особенностями выражения этого смысла в персидском языке. Различия в преподавании данного раздела русской грамматики в иранской аудитории обусловлены целым рядом причин.

Прежде всего, сказываются исторически сложившиеся существенные различия в грамматической традиции, характерной соответственно для современной российской лингвистики, опирающейся на европейскую «систему грамматических ценностей», и характерного для иранского языкознания подхода к анализу строения и семантики слова и предложения, в основе которого лежит собственная национально ориентированная многовековая лингвистическая традиция.

Отмечаемый нередко у иранских учащихся недостаточно высокий уровень «европейских» грамматических навыков и умений, при формировании и развитии которых особое внимание уделяется семантике словоформы, слова и предложения, и служит, как мы полагаем, причиной появления ошибок, например, в грамматическом анализе конструкций с частицей *бы*. Поэтому преподавателям приходится, приступая к изучению темы «Средства выражения желательности в русском языке», учитывать, что у многих учащихся сложилось смутное (а у кого-то и неверное) представление об употреблении частицы *бы* в русских предложениях с сослагательным наклонением глагола. Дело в том, что конструкции с частицей *бы* или же с наречием *желательно*, выражающие значение желательности, по традиции не рассматриваются в иранской аудитории с точки зрения семантики.

Немаловажно и то, что русско-персидские толковые словари не всегда адекватно отражают персидские эквиваленты русских частиц и иных языковых средств со значением желательности.

Поэтому иранским учащимся приходится объяснять, что, например, в русском языке семантическое поле частицы *бы* является многоплановым и неоднородным. Данная частица может быть средством выражения целого набора различных оттенков значений, понятных лишь в контексте. В разном окружении она выражает такие разнообразные значения, как желательность, предположительную возможность, гипотетичность, необходимость и долженствование. Эта частица, в связи с ее особой значимостью в выражении целого ряда абстрактных значений, а также с жёсткой зависимостью от контекста,

относится к языковым единицам, трудным для понимания иностранными учащимися и для перевода контекстов с этой частицей на персидский язык. Учащиеся должны понимать, что осознание широты спектров выражения желательности как в лексическом, так и в грамматическом планах позволяет говорящему точно выразить все нюансы своих желаний, а собеседнику — легко их воспринять.

Анализ языкового материала. Эмпирической базой нашего исследования послужили примеры из Национального корпуса русского языка [НКРЯ], «Толкового словаря русского языка» [Ожегов, Шведова 2004], «Русско-персидского словаря» [Восканян 2005], из книги [Величко и др. 2018], а также из собранной нами картотеки современной русской разговорной речи (в тексте статьи такие примеры атрибутируются аббревиатурой [РР]).

Анализ базы данных, полученной нами в результате изучения языкового материала, позволил поставить вопрос о создании многофакторной классификации средств выражения желательности в русском языке и способов их репрезентации в персидском языке. Классификация базируется на установлении двадцати основных лексических и грамматических типов выражения желательности в русском языке.

Для каждого из типов репрезентации желательности в русском языке нами было проведено изучение грамматического и/или лексического **средства выражения желательности** (при обозначении типа конструкции желательности это средство выделяется подчёркиванием, например: хотеть) и установление его релевантного окружения (например, субъектной синтаксемы — сокращённо: **субъект**).

Рассмотрим подробнее каждый из описываемых нами типов синтаксических конструкций, являющихся средством выражения различных типов желательности в русском языке в сравнении с соответствующими средствами персидского языка.

1. Субъект в И. п. + хотеть + инфинитив

Данная конструкция выражает осознанное желание, своего рода «желание-план», при этом субъект отношения желательности и субъект действия по достижению желаемого — это одно и то же лицо: *Я хочу что-нибудь съесть* [РР].

Этот вид значения желательности выражается в персидском языке следующей конструкцией: субъект + глагол *khastan* ('хотеть') в настоящем или прошедшем времени + аорист. Так, русскому предложению *Я хочу что-нибудь съесть* в персидском языке соответствует предложение: *Man mi-khaham chizi bokhoram*. В дальнейшем изложении подобные переводы с русского на персидский будут даваться в круглых скобках сразу после анализируемого русского предложения и указания на его источник. Например: *Уже несколько лет я упорно хотел починить часы, подаренные мне отцом* [НКРЯ: Роман Карцев. Малой, Сухой и Писатель. 2000–2001] (*Chand sali ast ke modam mi-khastam saati ke pedaram be man hadye dade bud ra tamir konam*).

2. Субъект в И. п. + хотел(а/и) бы + инфинитив

Эта конструкция желательности также отражает моносубъектную ситуацию: субъект, испытывающий то или иное желание, сам обеспечивает достижение желаемого, ср.: *Я хотел бы что-нибудь съесть* [РР]. Средством выражения желательности является составная морфологическая форма составного неопределённого наклонения глагола

хотеть. В персидском языке ситуация подобной структуры выражается следующим набором лексико-грамматических средств: субъект + глагол *khastan* (*хотеть бы*) в настоящем времени + аорист (*Ман mi-khaham chizi bokhoram*); *Но и Игоря я люблю настолько сильно, что не хотела бы им жертвовать ради работы* [НКРЯ: Даша. 2004] (*Амма man anghadr Igor ra dust дарам ке не-mi-khaham u ra bekhatер-e kar ghorbani konam*).

Таким образом, можно заметить, что русские конструкции **я хочу + инфинитив** и **я хотел бы + инфинитив** передаются в персидском языке одной конструкцией без эквивалента для частицы *бы*. Поэтому употребление частицы *бы* в конструкции **я хотел бы + инфинитив** представляет определённую сложность для персоговорящих учащихся.

3. Субъект в Д. п. + хочется + инфинитив

В персидском языке данная конструкция выражается следующим образом: субъект + сложный глагол *del khastan* или *havas kardan* ('хотеться') в настоящем или прошедшем времени + аорист. Ср.: *Мне хочется что-нибудь есть* (*Ман delam mi-khahad chizi bokhoram = Man havas kardam chizi bokhoram*); *Всё время думаю об этих людях, люблю их, и мне хочется рассказать их историю* [НКРЯ: Известия. 2003] (*Ман hamishe be in афрад fekr mi-konam, anha ra dust дарам ва delam mi-khahad dastan-e anha ra tariff konam*).

4. Субъект в Д. п. + хотелось бы + инфинитив

Как отмечала А.В. Величко, конструкции с глаголами *хочется* и *хотелось бы* — «это потребность, как бы пропущенная через сознание» [Величко и др. 2018: 525]. Данные конструкции выражают неосознанное желание, «желание-тягу». Этот вид значения

желательности выражается в персидском языке следующей конструкцией: субъект + сложный глагол *del khastan* или *havas kardan* ('хотеться') в настоящем времени + аорист: *Мне хотелось бы что-нибудь поесть* (*Ман delam mi-khahad chizi bokhoram = Man havas kardam chizi bokhoram*); *Мне хотелось бы написать про ученых, которые выступали мужественно, разоблачая собственные ошибки и заблуждения* [НКРЯ: Даниил Гранин. Зубр. 1987] (*Ман delam mi-khahad darbare-ye daneshmandani ke shojaane sohbat mi-kardand va eshtebahat va tavahomat-e khod ra efsha mi-kardand, benevisam*).

Сравнив переводы конструкций 3 и 4, можно прийти к выводу, что и эти две разные русские конструкции выражаются в персидском языке одной и той же конструкцией без эквивалента частицы *бы*, что еще раз подтверждает сложность употребления данной русской частицы для выражения желательности персоговорящими учащимися.

5. Инфинитив + частица бы + субъект в Д. п.

Этот тип выражения значения желательности передается в персидском языке следующей структурой: междометие *kash (ei kash)* + глагол в прошедшем длительном времени (*mi-raftam* в первом примере, *mi-khabidam* во втором) или аористом (*beravam* в первом примере), ср.: *Поехать бы мне летом на море* (*Ei kash tabestan be darya mi-raftam* или *Ei kash tabestan be darya beravam*). Субъект желания и субъект исполнения желаемого в таких предложениях совпадают, а значение желательности здесь близко к значению необходимости или нужности.

Другая разновидность рассматриваемой конструкции иллюстрируется примерами типа: *Съездить бы мне*

к родителям, давно их не видел [Величко и др. 2018: 528] (*Man bayad pish-e pedar va madaram beravam, modathast anha ra nadideam*). В данном случае сочетание инфинитива и **бы** при переводе передаётся модальным словом **bayad** и глаголом в форме аориста.

6. Инфинитив + частица **бы**

В таких предложениях указывается на желательность действия без указания на функцию производителя действия, поэтому они выражаются в персидском языке пассивными конструкциями: **Сделать бы** здесь ремонт [Там же: 528] (*Ei kash inja tamir shavad*); **Посадить бы** около дома деревья [Там же: 528] (*Ei kash nazdik-e khane derakht kashte shavad*); Приятно после дороги. **Поспать бы...** Но вскоре пришел врач (женщина), и начались расспросы о моей болезни [НКРЯ: Николай Амосов. Голоса времен. 1999] (*Bad az safar hese khubi darad... Ei kash kami mi-khabidam... amma kheili zud pezeshk amad va shuru be porsidan dar mored-e bimariye man kard*). Данный тип предложений русского языка представляет трудность для персоговорящих учащихся в связи с интерференцией родного языка, где необходимо употребить пассивную конструкцию.

7. Субъект в И. п. + глагольная форма сослагательного наклонения

Эту конструкцию (**Я бы что-нибудь съел**) следует отличать от близкой по форме конструкции 2 (**Я хотел бы что-нибудь съесть**), которая была представлена выше. Отличия связаны с тем, что предикатом в конструкции 2 является модальный глагол **хотеть** или его синонимы типа **желать**, **мечтать**, а в конструкции 7 предикатом может быть практически любой глагол (**Съел бы ты что-нибудь**). При этом в конструкции 2 подлежащим всегда обозначен субъект желания, а в конструкции 7 подле-

жащим может быть назван как субъект желания (см. первый из приведённых выше примеров), так и субъект достижения желаемого (**Съел бы ты что-нибудь** = **Я** (субъект желания) **хочу, чтобы ты** (субъект достижения желаемого) **что-нибудь съел**).

Желательное значение структуры 7, где субъект в И. п. сочетается с формой сослагательного наклонения глагола, выражается в персидском языке с помощью междометия **kash** (*ei kash*), за которым следует глагол в прошедшем длительном времени (*mi-khordam* в первом примере, *dars mi-khand* — во втором) или же аористом (*bokhoram* в первом примере и *dars bekhanad* — во втором, и *biyayi, esterahat koni* в третьем примере): 1. **Я бы что-нибудь съел** [PP] (*Ei kash chizi mi-khordam*. или *Ei kash chizi bokhoram*); 2. **Позанимался бы он, ведь скоро сессия** [Величко и др. 2018: 528] (*Ei kash u dars bekhanad, akhar bezudi emtehanat ast*; 3. **Ей бы и дарились бы, акхе безуди эмтеханат аст**). Ср. также: **Приехал бы ты к нам в Киев, отдохнул бы, у нас очень хорошо, приезжай когда захочешь, я всегда буду рад, создадим тебе условия для отдыха** [НКРЯ: Никита Хрушев. Воспоминания. 1971] (*Ei kash to be Kiev pish-e ma biyayi, esterahat koni, pish-e ma kheili khub ast, harvaght khasti biya, man hamishe khoshhal khaham shod, sharayet-e esterahat-e to ra faraham mikonim*).

Приведём ещё один пример, в котором значение сослагательного наклонения в конструкции с частицей **бы** выражается в персидском языке глаголом будущего времени: **Да, я с огромным удовольствием работала бы у Дегтярева, но кто же меня туда возьмет?** [НКРЯ: Дарья Донцова. Доллары царя Гороха. 2004] (*Bale, man ba kamal-e meil pish-e Degtyarev kar khaham kard, amma che kasi mara anja estekhdam mi-konad?*).

В ряде случаев русские конструкции с сослагательным наклонением могут быть семантически эквивалентны персидским конструкциям с компонентами *bad nabud* ('было бы неплохо') и *khub bud* ('было бы хорошо'), сочетающимися с глаголом прошедшего длительного времени. Ср.: *Чего ты добился? Пошел бы в спорт... Мне скоро будет стыдно ходить с тобой* [НКРЯ: Ада Самарка. Стрекоза и муравей. 2013] (*Be che chizi residei? Khub bud varzesh mi-kardi... Man be zudi khejalat mi-kesham ba to ghadam bezanam*); *А работать я пошел бы, но только не там у нас в селе* [НКРЯ: Гани. Жизнь национальностей. 2004] (*Behtar bud mi-raftam kar mi-kardam, amma na anja, dakhel-e deh-e-man*).

Как уже было сказано выше, конструкции данного типа часто употребляются в случаях, когда субъекты желания и действия с целью достижения желаемого не совпадают: *Сделали бы здесь ремонт* [Величко и др. 2018: 528] (*Ei kash inja ra tamir mi-kardand* или *Ei kash inja ra tamir konand*); *Посадили бы около дома деревья* [Там же: 528] (*Ei kash nazdik-e khane derakht mi-kashtand* или *Ei kash nazdik-e khane derakht bekarand*). Данный вид значения желательности может передаваться в персидском языке междометием *kash* (*ei kash*), за которым следует глагол в прошедшем длительном времени (*tamir mi-kardand* в первом примере и *mi-kashtand* во втором) или же в форме аориста (*tamir konand* в первом примере и *bekarand* во втором).

8. Субъект в И. п. + хотеть + союз чтобы

При переводе этой конструкции на персидский глаголу *хотеть* соответствует глагол *khastan* в настоящем или прошедшем времени. А союз *чтобы* может быть переведен как *ta, ke, baraye inke* или полностью опущен. Глагол

в придаточном предложении вне зависимости от времени глагола *хотеть* в главном предложении всегда выражается в персидском языке формой аориста (*dashte bashad, bekhanand*): *И ответила себе: она хочет, чтобы он принадлежал только ей* [НКРЯ: Алексей Слаповский. Гибель гитариста. 1994–1995] (*Va u be khod pasokh dad: u mikhahad ke u faghat be u talogh dashte bashad*); *Он хотел, чтобы русские обитатели дома прочли в «Новом Журнале» его стихи и роман Одоевцевой «Год жизни»* [НКРЯ: Вадим Крейд. Георгий Иванов в Йере. Звезда. 2003] (*U mi-khast ke sakenan-e rusi dar khane ashar-e u va roman-e Odoevtseva «Yek sal-e zendegi» ra dar «Majale-ye jadid» bekhanand*).

9. Субъект в Д. п. + хочется + союз чтобы

Так обозначается ситуация, когда субъект (выраженный формой Д. п.) изъявляет желание, используя безличную форму глагола *хотеться* (*хочется*); в персидском языке для отображения такой ситуации используется конструкция с глаголами *del khastan* и *tamayol dashtan*. Союз *чтобы* эквивалентен персидским союзам *ta, ke, baraye inke*, которые могут быть опущены. В подобных высказываниях русскому глаголу в придаточном предложении после союза *чтобы* всегда соответствует в персидском языке аорист (*baghi bemanad* в первом примере и *vojud dashte bashand* во втором): *Вам хочется, чтобы всё оставалось, как было* [НКРЯ: Алексей Слаповский. Жизнь Лагарпова. 1999] (*Shoma deletan mikhahad ta hame chiz antor ke bude, baghi bemanad*); *Почему так хочется, чтобы ушедшие от тебя навсегда продолжали где-то существовать?* [НКРЯ: Ирина Васюченко. Хромые на склоне. Ковчег. 2014] (*Chera delat mi-khahad, kasani ke shoma ra baraye hamishe tark karde-*

and, dar jai baraye hamishe vojud dashte bashand?).

10. Субъект в Д. п. + хотелось + союз чтобы

В данной конструкции субъекты желания и действия с целью достижения желаемого не идентичны. Конструкции с глаголом **хотелось** и союзом **чтобы** соответствует в персидском языке конструкция с безличным глаголом **del khastan** или же личным глаголом **khastan** ('хотеть') в прошедшем времени. Союз **чтобы** передается как **ta, ke, baraye inke**, а глагол в придаточном предложении — аористом (ср. ниже: **bashad** в первом примере и **bebinand** — во втором): *Мы ехали по ночной Москве, светила огромная круглая луна, нам хотелось, чтобы так было всегда* [НКРЯ: Сати Спивакова. Не всё. 2002] (*Ma dar shab-e mosko miraftim, mah-e bozorg-e gerd miderakhshid, deleman mikhast hamishe hamintor bashad*); *Мне хотелось, чтобы все видели, сколько у меня бабок, а ты такой типа бедного родственника там сидел* [НКРЯ: Андрей Геласимов. Ты можешь. 2001] (*Delam mi-khast hame bebinand, man cheghadr pul дарам va to mesl-e yeki az aghvam-e faghir anja neshasti*).

11. Пусть + субъект в И. п. + глагол в будущем времени

В данной конструкции субъекты желания и действия также не совпадают, и частице **пусть** соответствуют глагольные формы повелительного наклонения **bogzar** или **bogzarid**. Глагольный предикат в будущем времени передается в персидском переводе аористом (**dorost konand** в первом примере, **bemanam** во втором): *Я подумала: пусть светлые женственные модели сделают тебя самой красивой на праздновании 8 Марта!* [НКРЯ: Даша. 2004] (*Man fekr kardam: bogzar model-ha-ye roshan-e zanane to ra baraye jashn-e 8 mars dorost konand*); *Пусть он немного здесь*

отдохнет! [Восканян 2005: 556] (*Bogzar u kami inja esterahat konad*).

12. Пусть + [факультативный субъект в И. п.] + глагол в сослагательном наклонении

В данной конструкции частице **пусть** соответствует в персидском языке форма повелительного наклонения **bogzar** или **bogzarid**, а сослагательному наклонению глагола **открыли бы** — аорист: *Пусть бы двери уже открыли* (*Bogzar dar-ha baz bashad*).

13. Субъект в Д. п. + желательно + инфинитив

В этой конструкции **желательно** как наречие имеет ряд адвербиальных эквивалентов в персидском языке, включая **salah ast** ('целесообразно'), **ja darad** ('уместно'), **khub ast** ('хорошо'), **behtar ast** ('лучше'), а также **arezu dashtan** и **kash** (дословно 'желательно').

Семантическая нагрузка русского инфинитива в данной конструкции передается в персидском языке аористом (см. **bogzarid** в первом примере, **motale konam** во втором и **bazyabi konam** в третьем примере): *Вам желательно оставить приглашение на вечеринку без ответа* (*Behtar ast davatname-ye jashn ra bedun-e pasokh bogzarid*); *Мне желательно географию изучать про нашу страну, а также историю и физику* [НКРЯ: Б.Л. Горбатов. Непокоренные. 1943] (*Man arezu дарам joghrafiya-ye keshvar-e-man va hamchenin tarikh va fizik ra motale konam*); *На днях пришло Вам список лиц, адреса коих мне желательно восстановить* [НКРЯ: Н.С. Трубецкой. Письма Р.О. Якобсону. 1920–1938] (*Dar chand ruz-e ayande listi az afradi ke mikhamam adres-e anha ra bazyabi konam baraye shoma ersal khaham kard*).

14. Существительное, прилагательное, наречие + частица бы

В данной конструкции субъект действия сам стремится достигнуть жела-

емого. При переводе на персидский язык подобных предложений частица **бы** передается междометием **kash (ei kash)**: *За город бы* [Величко и др. 2018: 523] (*Ei kash birun-e shahr mi-raftam*, или *Ei kash birun-e shahr beravam*); *Домой бы* [Там же: 523] (*Ei kash be khane mi-raftam*, или *Ei kash be khane beravam*); *Вот бы дождичка хорошего* (*Kash baran-e khubi mi-barid*, или *Kash baran-e khubi bebarad*); *На работе бы [сделать что-то]* (*Ei kash sar-e kar basham*, или *Ei kash sar-e kar mi-raftam*.)

В зависимости от контекста, частице **бы** эквивалентны служебные элементы **bad nabud**, **bad nist**, **khub bud** и **khub ast**: *За город бы* (*Bad nabud "khub bud" birun-e shahr mi-raftam* или *Bad nist "khub ast" birun-e shahr beravam*); *Домой бы* (*Bad nist "khub ast" be khane beravam* или *Bad nist "khub ast" be khane beravam*); *На работе бы* (*Bad nist "khub ast" sar-e kar basham*).

В отличие от русской конструкции рассматриваемого типа, где глагол системно отсутствует, в её персидских эквивалентах всегда используются глагольные формы прошедшего длительного времени или аорист. Заметим, что отсутствие глагола в русских предложениях, обычно вызывает большие трудности у персоговорящих учащихся.

15. Желательно + союз **чтобы**

В данной конструкции семантика наречия **желательно** передается в персидском языке выражениями **salah ast** ('целесообразно'), **ja darad** ('уместно'), **khub ast** ('хорошо'), **behtar ast** ('лучше'), **matlub ast** ('приятно', 'желательно'), **kash** 'желательно', а союз **чтобы** выражается союзами **ke**, **ta**, **baraye inke**. Глагол в неопределенной форме или в форме прошедшего времени в придаточной части сложного предложения переводится аористом (**beshenasad** в пер-

вом примере, **bashad** во втором и **baghi bemanad** в третьем): **Желательно**, чтобы врач знал всю семью, поскольку здесь нужен совместный анализ [НКРЯ: Алсу Разакова. Первый год и вся жизнь. 2002] (*Behtar ast pezeshek tamam-e khanevade ra beshenasad, zira analiz-e moshtarak niyaz ast*); Кроме того, очень **желательно**, чтобы она была большей площади и, если это возможно, в лучшем доме [НКРЯ: Андрей Волос. Недвижимость // «Новый Мир». 2001] (*Hamchenin besyar matlub ast ke an bozorgtar va dar surat-e etkan dar khane-ye behtari bashad*); **Желательно**, чтобы режим дня взрослых и детей оставался тем же, как и в обычные трудовые будни [НКРЯ: Светлана Беляева. И это пройдет // «Поиск». 2020] (*Matlub ast ke reval-e ruzane-ye bozorgsalaran va kudakan manand-e ruz-haye kari-ye adi baghi bemanad*).

16. Частица **хоть бы** в препозиции к глаголу, именной или наречной группе

В словаре [Шимчук, Щур 1999: 136] о частице **хоть бы** даётся следующая информация: «Она выделяет наименее приемлемую, малопримлемую или любую произвольную ситуацию из некоторого множества, выражая ее достаточность для некоторого следствия».

В персидском языке эквивалентом данной частицы являются служебные элементы **kash**, **kash ke**, **kash hadeaghal**: *Но хоть бы до зимних каникул доучила* [НКРЯ: Борис Екимов. Новый мир. 1996] (*Kash hadeaghal ghabl az tatilat-e zemestani dars khandan ra tamam karde budam*); *Хоть бы согрела руки, чтобы пальцы оттаяли, чтобы мел не дрожал и не крошился* [НКРЯ: Булат Окуджава. Новенький как с иголочки. 1962] (*Kash hadeaghal dastanam ra garm karde budam ta angoshtanam ab shavand va gach tekan nakhorad va khord nashavad*); *Хоть бы об этом ты спросила по телефону Марью Ивановну, а?*

[НКРЯ: В.Н. Гроссман. Жизнь и судьба. 1960] (*Kash hadeaghal az Mariya Ivanovna dar in mored telefoni porside budid, ha?*); *Да с кем я болтаю, я никому в Москве не нужен, — сказал Штрум. — Хоть бы поест что-нибудь дала мне* [НКРЯ: В.Н. Гроссман. Жизнь и судьба. 1960] (*Man ba che kasi sohbat mikonam? Hichkas dar Mosko be man niyaz nadarad. Kash hadeaghal chizi be man midadid bokhoram*); *Когда пойдём? Да хоть бы завтра!* (*Key miravim? Kash farda beravim!*).

17. Частица если бы в сопровождении разных типов предикативных единиц

Подобная конструкция выражает сильное желание, которое представляется, однако, невозможным или маловероятным. Глагол в сочетании с данной частицей употребляется в неопределенной форме или в прошедшем времени.

В персидском языке эквивалентом частицы если бы служит междометие *kash (kash ke)* или служебное словосочетание *akh ke agar*. Глагол в рассматриваемой персидской конструкции желательности выражается глаголом в формах аориста или прошедшего времени: *О, если б в небо хоть раз подняться!* [НКРЯ: Максим Горький. Песня о Соколе. 1895] (*Ah ei kash faghat yek bar mitavanestam be asman beravam!*); *Если бы нам удалось его увидеть!* (*Akh ke agar mitavanestim u ra bebinim*); *Ах, если бы нас нашли!* (*Ah, ei kash ta ra peida mikardand*).

Заметим, что в персидском языке служебный элемент *akh ke* в сочетании с *kash (akh ke kash)* чаще всего выражает смысловые нюансы желания с окраской невозможности или маловероятности.

18. Частица только бы, примыкающая к семантически доминирующему слову

Частица *только бы* служит для обозначения выбора желательной ситуации из ряда других, нежелательных ситуаций [Шимчук, Щур, 1999:127]. Эта частица информирует о желательности, предпочтительности определённой ситуации «всему другому с оттенком опасения при отрицании» [Ожегов, Шведова 2004: 188].

Эквивалентом данной частицы в персидском языке является сочетание *faghat kash*, употребляемое, как правило, в начале побудительного предложения; в неначальной позиции примыкает к предшествующему слову, к которому относится.

Надолго ли? Только бы не навсегда! Лучше умереть [НКРЯ: М.Ю. Лермонтов, Герой нашего времени. 1837—1839] (*Baraye tulani modat? Faghat ei kash baraye hamishe nabashad! Mordan behtar ast*); *Всю дорогу он сидел скорчившись в уголке автобуса и думал: только бы добраться до гор* [НКРЯ: Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 3. 1978] (*Tamat-e rah u dar gushaye utubus khod ra jam karde bud va fekr mikard: faghat kash mitavanestam be kuh beresam*); *Пускай накажут, только бы не нынче, когда у нас гости* (*Bogzar tanbih konand, faghat ei kash na alan, vaghti ta mehman darim*); *Только бы не война!* (*Faghat kash jang nabashad*).

19. Частица вот бы, примыкающая к семантически доминирующему слову

Данная частица употребляется в начале предложения и сочетается обычно с инфинитивом или глагольной формой прошедшего времени, но иногда и с именными формами (см. последний из приводимых ниже примеров). Она синонимична частице *хорошо бы*. Согласно словарю русских частиц, эта частица обозначает «желательность немедленного осуществления воображаемого события» [Шимчук, Щур 1999:

41]. Её эквивалентом в персидском языке является междометие *kash (ei kash)* или выражение *che khub bud agar*.

В персидском языке при переводе русских предложений данного типа используется глагол в форме аориста или прошедшего времени, ср. конструкции из [PP]: *Вот бы спросить у него, знает ли он об этом? (Kash az u beporsim chizi dar inbare midanad ya na?)*; *Вот бы прокатиться на такой машине! (Che khub bud agar ba chenin mashini dor mizadim)*; *Вот бы нас взяли на прогулку! (Kash ta ra ba khod borde budand!)*; *Вот бы дожидчика хорошего! (Che khub ast agar baran-e khubi bebarad.)*

20. Частица *лишь бы*, примыкающая к глагольному компоненту предложения

Данная частица употребляется в сочетании с инфинитивом или глаголом в прошедшем времени. Она обозначает «приемлемость или желательность единственной ситуации, противопоставляемой всем другим возможным» [Шимчук, Щур 1999: 84]. В толковом словаре русского языка данная частица рассматривается как синонимичная частице *только бы* [Ожегов, Шведова 2004: 330]. Семантика частицы *лишь бы* передается в персидском языке следующими языковыми средствами: *faghat*, *faghat hamin mande*, *kash*, ср. перевод на персидский язык конструкции из [PP]: *Лишь бы дождь не пошёл! (Faghat baran nabarad!)*; *Он шагал быстро, думал об одном: лишь бы уснуть! (U sari ghadam barmidasht, be yek chiz fekr mikard, faghat sari beresad)*; *Тебе лишь бы в кино ходить! (Faghat hamin mande ke to be sinama beravi!)*; *Лишь бы не опоздать! (Kash dir ne-mi-kardim)*; *Лишь бы не заболеть! (Faghat mariz na-shavam)*.

Выводы. Сопоставление конструкций со значением желательности в русском и персидском языках показыва-

ет, что средства репрезентации данного значения в исследуемых языках не совпадают, поэтому выражение значения желательности в русском языке вызывает у иранских студентов-русистов целый ряд ошибок.

При рассмотрении выявленных в результате изучения языкового материала двадцати русских конструкций желательности было установлено, что тринадцать из них (конструкции 1 — 13) относятся к глагольным, поскольку глагол является в них единственным или же одним из ряда используемых в той или иной конструкции лексических и грамматических средств выражения желательности.

Семь русских конструкций желательности (14 — 20) можно назвать безглагольными в том смысле, что грамматическим средством выражения желательности в них являются не глагольные компоненты, а частицы. При преподавании данного раздела русского синтаксиса в учебных заведениях Ирана необходимо учитывать то обстоятельство, что для всех конструкций данного типа их персидские соответствия были верифицированы как глагольные.

Частица *бы* является средством выражения желательности в 11 из выявленных нами типов конструкций — как строевой компонент грамматической формы сослагательного наклонения глагола или же как самостоятельное средство выражения желательности, а в девяти конструкциях она не используется. В двух конструкциях со значением желательности употребляется частица *пусть*, в двух других — наречие *желательно*.

Русские конструкции желательности переводятся на персидский язык при помощи нескольких средств, и основным из них является междометие *kash (ei kash)*, используемое в девяти

конструкциях. При переводе русских номинативных предложений со значением желательности (конструкция 8) в соответствующих персидских предложениях употребляется глагол.

Конструкции 1 и 2, различающиеся в русском языке по способу выражения желательности, передаются в персидском языке одной и той же грамматически идентичной структурой. Тот же вывод можно сделать и в отношении структур 3 и 4.

Наконец, следует принимать во внимание, что конструкция 6 является

единственной, чье значение желательности в персидском языке маркируется посредством использования пассивной формы.

Всё сказанное убедительно свидетельствует о важности дальнейшего сопоставительного исследования лексических и грамматических средств выражения категории желательности в русском и персидском языках с целью предупреждения и преодоления трудностей в практике преподавания русского языка как иностранного в аудитории иранских учащихся.

Литература

1. Алтабаева Е.В. Концептуальные основания и системная организация категории оптативности в русском языке, М.: МГПИ, 2007. 191 с.
2. Алтабаева Е.В. Оптативность в русском языке: комплексное описание. М.: МПГУ, 2021. 200 с.
3. Величко и др. 2018 — Книга о грамматике / под ред. А.В. Величко. СПб.: Златоуст, 2018. 752 с.
4. Восканян Г.А. Русско-персидский словарь, Тегеран: Пегах, 2005. 866 с.
5. Данилова Е.А., Петрова Н.Ю. Специфика грамматических средств выражения желательности в русском языке // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева, № 3 (95), Ч. 2. 2017. С. 37–42.
6. Колосова М.В. Лексические средства выражения желательности в английском и русском языках: сопоставительный анализ. Автореферат дис. ... кандидата филол. наук, Москва, 2013. 16 с.
7. ЛЭС 1990 — Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 303–304.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка, М.: Азъ, 2004. 944 с.
9. Парамонов Д.А. Грамматическое выражение значения желательность в современном русском языке // Русская словесность. № 6. 2008. С. 73–78.
10. РГ 1980 — Русская грамматика. В 2-х тт. / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. Т. I, с. 619–626; Т. II, 712 с.
11. Рубинчик Ю.А. Грамматика современного персидского литературного языка, М.: Восточная литература, 2001. 600 с.
12. Современный русский литературный язык / под ред. П.А. Леканта. М.: Высшая школа, 2001. 462 с.
13. Шимчук Э.Г., Щур М.Г. Словарь русских частиц, Берлин: Петер-Ланг, 1999. 147 с.
14. ЭнциРЯ 2020 — Русский язык: Энциклопедия. 3-е изд. / под общ. ред. А.М. Молдована. М.: АСТ-ПРЕСС:ШКОЛА, 2020. 904 с.

The Means of Expressing Desirability in the Russian Language And Ways of Its Representation in the Persian Language

Majid Estiri,

PhD in Philology, Associate Professor, senior lecturer of the Russian language,
department of Foreign Languages

Gonbad Kavous University (*Gonbad Kavous, Islamic Republic of Iran*)

E-mail: estiri@mail.ru;

Bahareh Cheraghi,

PhD in Philology, Assistant Professor, senior lecturer of the Russian language,
department of Russian and Slavic Language and Literature

Shahid Beheshti University (*Tehran, Islamic Republic of Iran*)

E-mail: b_cheraghi@sbu.ac.ir

The research is devoted to the study of linguistic means of expressing desirability in Russian and Persian. The article specifies the composition of lexical and grammatical means of expressing desirability in both Russian and Persian, and provides a comparative study of these means of expressing desirability based on functional and contextual criteria. The lack of knowledge among Iranian Russian students about the functioning of Russian syntactic constructions with the meaning of desirability and the ignorance of the meanings of auxiliary units such as **kak by**, **pust'**, **tol'ko by**, etc. in these constructions is one of the reasons for their grammatical errors. The equivalents of lexical means of expressing desirability in Russian-Persian dictionaries are presented in a vague manner or are not specified at all. The authors of this study divided Russian constructions with the meaning of desirability into twenty groups. The analysis showed that the Persian word **kash (ei kash)**, which can function as an auxiliary particle, is the most effective in reflecting the semantic nuances expressed by Russian constructions with the meaning of desirability in Persian.

Key words: comparative analysis of Russian and Persian syntax, the category of desirability, formal types of expressing desirability in Russian, semantic types of desirability, means of expressing desirability in Persian.

*Статья подана 3 октября 2025 г.
Одобрена к публикации 26 января 2026 г.*

DOI: 10.18572/2687-0339-2026-2-26-33

Ведьмы Антона Чехова, Ивана Бунина и Михаила Булгакова: таинственная связь

Борис Вадимович Соколов,

доктор филологических наук, кандидат исторических наук,

научный консультант главного редактора издательства «Вече» (Москва, Россия)

ORCID: 0000-0001-8147-4918

E-mail: bvsokolov@yandex.ru

В статье выявлены инфернальные черты одного из персонажей повести А.П. Чехова «Мужики» (1897) — крестьянки Феклы — и их последующее отражение в крестьянке Молодой в повести И.А. Бунина «Деревня» (1909–1910) и в персонажах М.А. Булгакова — в молочнице Явдохе в «Белой гвардии» и в поварихе Дарье Петровне в «Собачьем сердце». При этом параллели между Феклой и бунинскими и булгаковскими персонажами касаются инфернальных черт чеховского персонажа как ведьмы. Инфернальность всех указанных персонажей не отменяет их реалистическую природу, но усиливает социальную составляющую произведений. Чехов, Бунин и Булгаков довольно пессимистически смотрели на будущее русского крестьянства и России в целом. Избавление Феклы от ведьминой природы к концу чеховской повести еще дает некоторую надежду, что жизнь деревни все же может измениться к лучшему. Бунин же видел угрозу крестьянству в беднейшей его части, которая в будущем может стать материалом для новой революции, губительной для России. Крестьянин-бедняк Денис в финале венчается с ведьмой Молодой и уподобляется сатане, что выражает эсхатологический смысл «Деревни». Булгаков творил в эпоху уже после того, как свершилась революция, которую предчувствовал Бунин. И инфернальные персонажи, восходящие к чеховской Фекле, становятся символами катастрофы, в которой приходится жить интеллигентным персонажам «Белой гвардии» и «Собачьего сердца».

Ключевые слова: А.П. Чехов, И.А. Бунин, М.А. Булгаков, «Мужики», «Деревня», «Белая гвардия», «Собачье сердце», инфернальность, ведьма, сатана, эсхатология, революция.

Введение

Мы постараемся проследить связь одного из главных персонажей повести А.П. Чехова «Мужики» (1897), крестьянки Феклы, с одним из персонажей повести И.А. Бунина «Деревня» (1909–1910), крестьянки Авдотьи по прозвищу Молодая, а также с молочницей Явдохой (Евдокией) из романа М.А. Булгакова «Белая гвардия» (1923–1925) и с поварихой Дарьей Петровной из его же повести «Собачье сердце» (1925) в связи с инфернальной составляющей

этих персонажей и их местом в структуре соответствующих произведений.

То, что бунинская «Деревня» написана под влиянием чеховских «Мужиков», стало общим местом еще в современной Бунину критике, причем оба произведения роднит отсутствие народнической идеализации русской деревни [Бабореко 1994: 521]. В своих посмертно опубликованных воспоминаниях о Чехове Бунин особо выделял «Мужиков», ставя их по значению в один ряд с чеховскими пьесами, поставленными

в Художественном театре: «И кто знает, что было бы с его славой, не будь «Мужиков», Художественного театра!» [Бунин 2000: 77]. При этом он считал «Мужиков» «далеко не лучшей» чеховской вещью [Там же: 87]. Характерно, что Бунин цитирует письмо к нему Л.А. Авиловой с показательной ошибкой: «Как мне хочется «Мужики» Бунина» [так в оригинале] (к этой фразе Бунин сделал примечание: «Характерная ошибка: Лидия Алексеевна Авилова назвала мою «Деревню» «Мужиками» (так озаглавлена повесть Чехова)») [Бунин 2000: 155]. Но до сих пор в критике не было отмечено отражение образа чеховской Феклы в бунинской повести.

Связи Чехова и Булгакова подробно проанализированы [Яблоков 2011; Соколов 2023], однако повесть «Мужики» в плане ее влияния на Булгакова по-прежнему остается вне внимания исследователей.

1. Инфернальное в повести А.П. Чехова «Мужики»: образ Феклы

Один из запоминающихся персонажей повести А.П. Чехова «Мужики» — Фекла Чикильдеева, жена брата Дениса, ушедшего в солдаты, имеющая двоих детей. В ее образе определенно проглядывают инфернальные черты. Она — «красивая баба, <...> сильная и широкая в плечах» [Чехов 1977: 284]. Но при этом Фекла постоянно сквернословит и отличается неряшливостью и развратностью. К тому же, она единственная в повести дважды появляется обнаженной, как ведьма: «На той стороне у самой воды стояла какая-то женщина и раздевалась».

— Это наша Фекла, — узнала Марья, — за реку на барский двор ходила. К приказчикам. Озорная и ругательная — страсть!

Фекла, чернобровая, с распущенными волосами, молодая еще и крепкая, как девушка, бросилась с берега и засту-

чала по воде ногами, и во все стороны от нее пошли волны.

— Озорная — страсть! — повторила Марья» [Там же: 287].

Несмотря на возраст, Фекла сохраняет красоту молодости, а это тоже свойство ведьм. Но она испытывает злобу к окружающим: «Ну, околеваешь там на печке, ледащий! — крикнула на него Фекла со злобой. — Принесла вас сюда нелегкая, дармоедов!» [Там же: 293].

Феклу устраивает грязь и бедность деревенской жизни, это для нее естественная среда обитания: «Фекле <...> была по вкусу вся эта жизнь: и бедность, и нечистота, и неугомонная брань. Она ела, что давали, не разбирая; спала, где и на чем придется; помои выливали у самого крыльца: выплеснет с порога да еще пройдет босыми ногами по луже. И она с первого же дня возненавидела Ольгу и Николая именно за то, что им не нравилась эта жизнь» [Там же: 298].

Фекла не верит в Бога, лишь соблюдая внешние церковные обряды: «Марья и Фекла крестились, говели каждый год, но ничего не понимали. Детей не учили молиться, ничего не говорили им о Боге, не внушали никаких правил и только запрещали в пост есть скоромное» [Там же: 306].

Когда «с улицы повеяло холодом и стало вдруг светло от луны» Фекла вернулась из-за реки абсолютно голой: «Около двери, прижавшись к стене, стояла Фекла, совершенно нагая. Она дрожала от холода, стучала зубами и при ярком свете луны казалась очень бледною, красивою и странною. Тени на ней и блеск луны на коже как-то резко бросались в глаза, и особенно отчетливо обозначались ее темные брови и молодая, крепкая грудь». Как объясняет сама Фекла, «На той стороне озорники раздели, пустили так... — проговорила она. — Домой без одежды шла... в чем мать родила» [Там же: 300–301]. Здесь

перед нами рациональное объяснение происшедшего. Но оно не исключает и иного, инфернального объяснения: Фекла — это ведьма, возвращающаяся после шабаша. На инфернальность намекают тени и лунный блеск на коже Феклы, а также то, что она не только бледная и красивая, но еще и странная.

После же того, как Ольга, которую перед этим Фекла, срывая свою злость, ни за что ударила коромыслом, отдала ей свою рубаху и юбку и помогла скрыть ее позор от свекрови, «Фекла вдруг заревела громко, грубым голосом, но тотчас же сдержала себя и изредка всхлипывала, все тише и глуше, пока не смолкла». И как раз в это время становится трудно понять: «всё ли еще светит луна или это уже рассвет» [Там же]. Слезы Феклы символизируют то, что доброта Ольги, которая единственная из персонажей повести искренне верит в Бога, излечила Феклу от ведьминой сущности, и лунный свет, традиционно связанный с нечистой силой, сменяется рассветом. Фекла противопоставлена Ольге — единственному по-настоящему положительному персонажу чеховской повести.

2. Преломление образа чеховской Феклы в повести И.А. Бунина «Деревня»

В повести И.А. Бунина «Деревня» (1909–1910) одним из второстепенных персонажей является молодая крестьянка Авдотья по прозвищу Молодая, жестоко избиваемая мужем. Она внешне напоминает чеховскую Феклу — «стройная, с очень белой, нежной кожей, с тонким румянцем, с вечно опущенными ресницами» [Бунин 1994: 42]. Первоначально она не принимает недвусмысленное предложение Тихона Ильича стать его любовницей, но потом становится ей. Подчеркиваются соблазнительные черты Молодой: «Тихон Ильич <...> глянул на скло-

нившуюся к полу Молодую, на ее белые икры, забрызганные грязной водой, на все ее раздавленное в замужестве тело... И вдруг, как-то особенно ловко владея своей силой и желанием, шагнул к Молодой. Она быстро выпрямилась, подняла возбужденное, покрасневшее лицо и, держа в руке мокрую ветошку, странно крикнула:

— Так и смажу тебя, малый!

Пахло горячими помоями, горячим телом, потом... И, схватив руку Молодой, зверски стиснув ее, тряхнув и выбив ветошку, Тихон Ильич правой рукой поймал Молодую за талию, прижал к себе, да так, что хрустнули кости, — и понес в другую комнату, где была постель. И, откинув голову, расширив глаза, Молодая уже не билась, не противилась...» [Там же: 43]. Молодая моет пол, и ее ноги забрызганы помоями, как и у Феклы. Муж Молодой, кривой солдат Родька, постоянно ее избивает, а когда узнает, что она спит с Тихоном Ильичом, бьет ее еще сильнее. В чеховских «Мужиках» точно так же Кирьяк избивает свою жену Марию, хотя она и не дает никакого повода к ревности. А вскоре с Молодой случается почти то же происшествие, что и с Феклой в «Мужиках». Молодая, пока муж работал на железной дороге, подружилась с Донькой Козой, «очень глупой и красивой девкой, похожей на египтянку», которая «жила с мещанином, снимавшим сад», тогда как Молодая «вызывающе поглядывала на его брата, нахального мальчишку». Перед Днем Казанской иконы Божией Матери, т. е. перед 22 октября (4 ноября), мещане устроили у себя в шалаше «вечерок», — пригласили Козу и Молодую, всю ночь играли на двух ливенках, кормили подруг жамками, поили чаем и водкой, а на рассвете, когда уже запрягли телегу, внезапно, с хохотом, повалили пьяную Молодую наземь, связали ей руки, подняли юбки, собрали

их в жгут над головою и стали закручивать веревкой. Коза кинулась бежать, забилась со страху в мокрые бурьяны, а когда выглянула из них, — после того, как телега с мещанами шибко покатила вон из сада, — то увидела, что Молодая, по пояс голая, висит на дереве». Мещане оставили Молодую не полностью раздетой, но с обнаженным низом. И, в отличие от аналогичного эпизода с чеховской Феклой, скрыть происшедшее с Молодой не удастся, хотя Коза, развязавшая Молодую, клялась, что никому о происшедшем не расскажет, но «не сровнялось и недели, как пошли по Дурновке слухи о позоре Молодой» [Там же: 47–48]. Все ждут, что Родька вернется и жестоко расправится с женой за позор, а Тихон Ильич опасается, что возвращение мужа может закончиться убийством. Однако «в ночь на Михайлов день (т. е. 8 (21) ноября, меньше чем через три недели после происшествия) Родька, пришедший домой «рубашу сменить», умер «от живота!» [Там же: 48]. И все думают, что Молодая его отравила, что вполне совпадает с народными представлениями о ведьме. Хотя в повести присутствует и другое объяснение происшедшего. Тихон Ильич считает, что это его грех, так как он уволил Родьку с должности управляющего, тот пошел работать на железную дорогу («чугунку») и надорвался. И чтобы искупить свой грех, Тихон Ильич устраивает свадьбу Молодой с Денисом, самым бедным женихом в Дурновке, обещая дать богатое приданное. Характерно, что у второго мужа Молодой такое же имя, как и у мужа чеховской Феклы, — Денис. Но когда заболевает брат Тихона Ильича Кузьма, у которого Молодая состоит в прислугах, она равнодушно замечает: «А, да ну его! Помрет — похоронят...» [Там же: 119]. Точно так же у Чехова Фекла и другие крестьяне спокойно говорят о скорой смерти при самих

умирающих. Все ведьминские мотивы, отразившиеся в образе Феклы, отразились и в образе Молодой.

В ленивом и циничном Дениске, готовом бить отца смертным боем, оторвавшемся от деревни и собирающемся в город, Кузьма видит «новенький типик», утверждая, что «новая Русь, почище всех старых будет». Слова «новая Русь» появились уже после 1917 г., но уже в дореволюционном издании было: «Этот новенький типик почище всех старых будет». Бунин будто предчувствовал, что такие, как Дениска, поднимутся во власть после 1917 года. В Дениске он усматривает черты сатаны. Не случайно Дениска «поет блядским голоском» искаженное лермонтовское стихотворение «Тамара»: «Прикрасна, как андел небесный, как деман коварна и зла...» [Там же: 124; Бунин 1915: 127]. В финале «Деревни» во время венчания рука Молодой со свечой кажется в венце «еще красивей и мертвее» [Бунин 1994: 124] (проступает ведьмина черта), а во время и после обряда венчания бушует страшная вьюга, так что бабы причитали: «Батюшки, свету Божьего не видно!...» [Бунин 1994: 132–133]. Русские крестьяне считали вихрь следствием чертовой свадьбы или венчания сатаны с ведьмой, что отмечал еще В.И. Даль [Власова 2008: 74].

Молодая имела реального прототипа — крестьянку Доньку Симанову, знакомую брата Бунина Евгения Алексеевича [Бабореко 1994: 520]. Но этот факт не противоречит наличию у данного персонажа также литературного прототипа.

Действие «Деревни» происходит в начале Первой русской революции, и Бунин inferнальным эсхатологическим финалом повести намекает на те потрясения, которые ожидают Россию в целом и крестьянскую жизнь в частности (хотя бы в связи с начавшейся Столыпинской реформой,

но, возможно, Бунин уже тогда предчувствовал наступление «окаянных дней» 1917 г.). И неслучайно уподоблен ведьме символ прогресса, юго-восточный экспресс, который «бело блистая цепью окон, освещенных электричеством, разметав, как летящая ведьма, дымные косы, ало озаренные из-под низу, несся вдали, пересекая шоссе» [Там же: 71].

3. Преломление образа чеховской Феклы в произведениях М.А. Булгакова — в романе «Белая гвардия» и в повести «Собачье сердце»

В «Белой гвардии» (1923–1925) М.А. Булгакова действие происходит тогда, когда все те потрясения, которые смутно предчувствовал Чехов и более определенно Бунин, писавший свою повесть после Первой русской революции, уже произошли. В булгаковском романе владелец «Дома Турбиных» на Алексеевском спуске инженер Василий Лисович (Василиса) вожделем молочницу Явдоху: «Раненько, раненько, когда солнышко заслало веселый луч в мрачное подземелье, ведущее с дворика в квартиру Василисы, тот, выглянув, увидел в луче знамение. Оно было бесподобно в сиянии своих тридцати лет, в блеске монист на царственной екатерининской шее, в босых стройных ногах, в колышущейся упругой груди. Зубы видения сверкали, а от ресниц ложилась на щеки лиловая тень.

— Пятьдесят сегодня, — сказала знамение голосом сирены, указывая на бидон с молоком.

— Что ты, Явдоха? — воскликнул жалобно Василиса. — Побойся Бога. Позавчера сорок, вчера сорок пять, сегодня пятьдесят. Ведь этак невозможно. <...>

Ее зубы вновь сверкнули. На мгновение Василиса забыл и про пятьдесят, и про сто, про всё забыл, и сладкий и дерзкий холод прошел у него в жи-

воте. Сладкий холод, который проходил каждый раз по животу Василисы, как только появлялось перед ним прекрасное видение в солнечном луче. (Василиса вставал раньше своей супруги.) Про всё забыл, почему-то представил себе поляну в лесу, хвойный дух. Эх, эх...

— Смотри, Явдоха, — сказал Василиса, облизывая губы и кося глазами (не вышла бы жена), — уж очень вы распустились с этой революцией. Смотри, выучат вас немцы. <...>

— Чи воны нас выучуть, чи мы их разучимо, — вдруг ответило знамение, сверкнуло, сверкнуло, прогремело бидоном, качнуло коромыслом и, как луч в луче, стало подниматься из подземелья в солнечный дворик. «Н-ноги-то — а-ах!!» — застонало в голове у Василисы» [Булгаков, Белая гвардия 2023: 241].

Явдоха здесь очень похожа на чеховскую Феклу. Она такая же inferнальная красавица, как и Фекла, примерно одного с ней возраста, тоже босая, и точно так же у нее на плечах коромысло. Заметим, что коромысло в славянской мифологии — один из атрибутов ведьмы. Например, согласно поверью, распространенному еще в XIX и начале XX в. в Пермской губернии, «прежде чем превратиться в сороку или свинью, ведьма переметывается в овинной яме через коромысло». Точно так же в Вологодской губернии верили, что женщина-колдунья оборачивается волком, «перекинувшись» через коромысло [Власова 2008: 53, 88]. Когда же Василиса ассоциирует Явдоху с хвойной поляной в лесу, это можно понять как намек на место проведения шабаша. И, как и у Чехова, подчеркивается упругая, несмотря на возраст, грудь Явдохи. В «Мужиках» Фекла представляет типичные и малопривлекательные черты всего крестьянства. В «Белой гвардии» Булгаков вкладывает в уста Явдохи программное по сути заявление: «Чи воны нас выучуть, чи мы их

разучимо». И это относится не только к немцам, но и ко всем прежним «господам». И это «разучивание» по ходу действия романа оборачивается большой кровью.

И когда Василиса размышляет над Явдохиным «разучимо», она кажется ему уже не соблазнительницей сиреной, а голой ведьмой: «— Разучимо? А? Как вам это нравится? — сам себе бормотал Василиса. — Ох, уж эти мне базары! Нет, что вы на это скажете? Уж если они немцев перестанут бояться... последнее дело. Разучимо. А? А зубы-то у нее — роскошь...

Явдоха вдруг во тьме почему-то представилась ему голой, как ведьма на горе.

— Какая дерзость... Разучимо? А грудь...

И это было так умопомрачительно, что Василисе сделалось нехорошо, и он отправился умываться холодной водой» [Там же: 242].

А петлюровец, который гонится за Алексеем Турбиным, во сне назван оборотнем, что в данном случае подчеркивает «оборачиваемость» петлюровцев и красных [Там же: 518].

И последний раз Василиса размышляет о Явдохе уже после прихода петлюровцев, причем у него возникают мысли об убийстве нелюбимой жены Ванды, явно внушенные дьяволом: «Зачем, какой дьявол толкал его на безумный поступок? Почему понадобилось каторжной цепью связать себя с этим желтым лицом, газетными папилотками и тонкими бледными губами? Боже, Боже! Да, всё теперь, будь он один, холост, свободен, какая бы у него была чудесная, сказочная воистину жизнь. Сейчас бы вечером он был один. Явдоха бы пришла... Всегда можно было бы устроить так, чтобы она пришла. А теперь... Василиса представлял себе труп Ванды, убитой и разрезанной на четыре куска. Его можно было бы запаковать в корзину и отправить в Брест-Литовск.

Брр. Страшно... Найдут, поймают...» [Там же: 412-413].

Воображаемое расчлененное тело Ванды ассоциируется как с зарубленным петлюровцами при входе в Город евреем Фельдманом, так и с забитым ими же насмерть шомполами неизвестного при отступлении армии Петлюры из Города по Брест-Литовскому шоссе.

Образ чеховской Феклы отразился также в булгаковской повести «Собачье сердце» (1925), написанной вскоре после завершения «Белой гвардии». В этой повести inferнальными чертами наделена повариха Филиппа Филипповича Дарья Петровна. На кухне «в багровых столбах горело вечною огненной мукой и неуголенной страстью лицо Дарьи Петровны» [Булгаков, Дьяволиада 2023: 234], словно в адском пламени. На кухне Дарья Петровна трудилась, «как яростный палач, с костей сдирала мякоть, из кур вырывала внутренности, что-то вертела в мясорубке». При этом Заслонка с громом отпрыгивала, обнаруживала страшный ад. Клокотало, лилось...» [Булгаков, Дьяволиада 2023: 234].

А когда пожарный, «черноусый и взволнованный человек в широком кожаном поясе», обнимает Дарью Петровну, «лицо у той горело мукой и страстью, все, кроме мертвенного напудренного носа. Щель света лежала на портрете черноусого, и пасхальный розан свисал с него.

— Как демон пристал... — бормотала в полумраке Дарья Петровна, — отстань. Зина сейчас придет. Что ты, чистоту тебе тоже омолодили?

— Нам ни к чему, — плохо владея собою и хрипло отвечал черноусый. — До чего вы огненная...» [Там же: 235].

Любовник Дарьи Петровны уподоблен демону, а сама она — ведьме. При этом Дарья Петровна, как и Фекла, имеет мужа, так как упоминается ее венчальная свеча, и она сама признается: «Я замужем была» [Там же: 290].

Но о смерти ее мужа нигде не говорится.

Когда Дарья Петровна вытаскивает из комнаты Шарикова, пытавшегося соблазнить Зину Бунину (фамилия заставляет вспомнить о бунинской «Деревне»), она напоминает нагую ведьму: «В освещенном четырехугольнике коридора предстала в одной ночной сорочке Дарья Петровна с боевым и пылающим лицом. И врача и профессора ослепило обилие мощного и, как от страху показалось обоим, совершенно голого тела. <...> Дарья Петровна, грандиозная и нагая, тряхнула Шарикова, как мешок с картофелем <...>» [Там же: 290]. Передав «Телеграфа Телеграфовича» в руки Преображенского и Борменталю, «Дарья Петровна впала в состояние стыда, вскрикнув, закрыла грудь руками и унеслась» [Там же: 291].

Подобным образом чувство стыда начинает испытывать чеховская Фекла, что приводит ее к раскаянию и утрате ведьминой природы. Дарья Петровна же спасла от пьяного насильника невинную девушку и тоже перестала быть ведьмой.

Заключение

Можно считать доказанным, что Фекла в чеховских «Мужиках» — это единственный персонаж повести, хотя и реалистический, но обладающий инфернальными чертами — чертами ведьмы. Ее инфернальность наводит на мысль, что беспросветная нужда, в которой живут крестьяне в «Мужиках» и в реальной жизни — это следствие не только социальных отношений,

но и действий потусторонних сил. Однако избавление Феклы от ведьминой природы к концу повести дает некоторую надежду, что положение деревни все же может измениться к лучшему.

Образ Феклы отразился в наиболее разработанном женском персонаже бунинской «Деревни» — крестьянки Авдотьи, по прозвищу Молодая, которое на протяжении всей повести заменяет ей данное в крещении имя. Молодая также обладает чертами ведьмы и сохраняет их вплоть до финала. Действие бунинской повести разворачивается в период Первой русской революции, в деревне происходит бунт, и Бунин был еще более пессимистично настроен относительно настоящего и будущего русского крестьянства. Он видел угрозу в беднейшей части крестьянства, которая фактически оторвалась от деревни и в будущем вместе с городскими пролетариями может устроить новую революцию, гибельную для России. И представитель этой части крестьянства, Денис, в финале венчается с ведьмой Молодой и уподоблен сатане, что предвещает не только снежную бурю, но и гораздо более страшную бурю социальную. В этом эсхатологический смысл «Деревни».

Булгаков писал свои произведения, тогда, когда та революция, которую предчувствовал Бунин, уже свершилась. И образ чеховской Феклы отразился в Явдохе «Белой гвардии» и в Дарье Петровне «Собачьего сердца» своими инфернальными чертами, и эти персонажи становятся символами катастрофы, в которой приходится жить интеллигентным персонажам Булгакова.

Литература

1. Бабореко А.К. Комментарии // Бунин И.А. Собрание сочинений: в 8 тт. Т. 3 / Сост., подготовка текста, коммент. А.К. Бабореко. М.: Московский рабочий, 1994. С. 517–558.
2. Булгаков М.А. Белая гвардия. Записки юного врача. Морфий / сост., предисл., коммент. Б.В. Соколова. М.: Престиж бук, 2023. 656 с.
3. Булгаков М.А. Дьяволиада. Повести и рассказы / сост., коммент. Б.В. Соколова. М.: Престиж Бук, 2023. 688 с.

4. Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 6 тт. Т. 5. Пг.: Изд-е Тов-ва А.Ф. Маркса, 1915. 344 с.
5. Бунин И.А. Собрание сочинений: в 8 тт. Т. 3 / Сост., подготовка текста, коммент. А.К. Бабореко. М.: Московский рабочий, 1994. 560 с.
6. Бунин И.А. Собрание сочинений: в 8 тт. Т. 7 / Сост., подготовка текста, коммент. А.К. Бабореко. М.: Московский рабочий, 2000. 670 с.
7. Власова М.Н. Энциклопедия русских суеверий. СПб.: Азбука-классика, 2008 [Электронное издание]. 518 с.
8. Соколов Б.В. М.А. Булгаков и А.П. Чехов: чеховский след в «Мастере и Маргарите» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2023. Т. 28. № 3. С. 471–481.
9. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 тт. Сочинения в 18 тт. / Под ред. Н.Ф. Бельчикова. Т. 9. М.: Наука, 1977. 544 с.
10. Яблоков Е.А. Михаил Булгаков и мировая культура: справочник-тезаурус. СПб: Дмитрий Буланин, 2011. 622 с. [Электронная версия]: <https://m-bulgakov.ru/publikacii/mihail-bulgakov-i-mirovaya-kultura-spravochnik-tezaurus> (Дата обращения: 14 февраля 2025 г.)

The Witches of Anton Chekhov, Ivan Bunin and Mikhail Bulgakov: a Mysterious Connection

Boris V. Sokolov,

Doctor of Philology, Ph.D. in Historical Sciences,
scientific consultant to the editor-in-Chief of the Veche Publishing House
(Moscow, Russia)

E-mail: bvsokolov@yandex.ru

The article reveals the infernal features of one of the characters in Anton Chekhov's short story "The Peasants" (1897), the peasant woman Fekla, and their subsequent reflection in the peasant woman Molodaya in Ivan Bunin's short story "The Village" (1909-1910), as well as in the characters of Mikhail Bulgakov, such as the milkmaid Yavdokha in "The White Guard" and the cook Darya Petrovna in "The Heart of a Dog". At the same time, the parallels between Fekla and the characters in Bunin's and Bulgakov's works relate to the infernal traits of Chekhov's character as a witch. The infernal nature of these characters does not negate their realistic nature, but rather enhances the social aspect of their works. Chekhov, Bunin, and Bulgakov had a rather pessimistic view of the future of the Russian peasantry and Russia as a whole. Fekla's transformation from a witch to a human being at the end of Chekhov's story provides some hope that the life in a village may improve. Bunin, on the other hand, saw a threat to the peasantry in its poorest members, who could become the material for a new revolution that would be disastrous for Russia. In the final scene, the poor peasant Denis marries the witch Molodaya and becomes like Satan, which expresses the eschatological meaning of "The Village". Bulgakov's work was created after the revolution that Bunin had foreseen. And the infernal characters, who go back to Chekhov's Fekla, become symbols of the catastrophe that the intelligent characters of "The White Guard" and "Heart of a Dog" have to live with.

Key words: A.P. Chekhov, I.A. Bunin, M.A. Bulgakov, "The Peasants", "The Village", "The White Guard", "Heart of a Dog", infernality, witch, Satan, eschatology, revolution.

*Статья подана 14 апреля 2025 г.
Одобрена к публикации 20 мая 2025 г.*

DOI: 10.18572/2687-0339-2026-2-34-41

«Человек улучшенный»: вампиризм как предчувствие трансгуманистической эры в романе В.О. Пелевина «Ампиr V»

Рия Гаджиевна Хизриева,

аспирант

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

(Москва, Россия)

ORCID: 0009-0006-3096-2667

E-mail: riya_tk@mail.ru

Статья посвящена анализу трансгуманизма в романе В.О. Пелевина «Ампиr V». Предлагая определенную эстетически-философскую оптику, автор обращается к идеям Т.В. Ковалевской о трех путях трансгуманизма: пути преодоления смерти средствами науки, пути «животности», пути бессмертия в смерти. В контексте данной работы матрицей исследования выступает путь бессмертия в смерти и вампиризм как наиболее яркая его реализация.

Ключевые слова: трансгуманизм, В.О. Пелевин, вампиризм, Т.В. Ковалевская, бессмертие.

Введение

С 90-х гг. XX в. на Западе начинается формирование трансгуманизма — идеологии, ориентированной на избавление людей от физических недугов, увеличение умственных способностей и повышение качества жизни с помощью передовых технологий.

В книге «Мифологический трансгуманизм в русской литературе: Достоевский и Серебряный век» доктор философских наук Т.В. Ковалевская, автор более ста работ, в том числе и посвященных феномену трансгуманизма в русской литературе, рассматривает его с двух ракурсов: религиозного и мифологического. Она отмечает, что трансгуманистическая концепция на протяжении всей истории человечества предполагает реализацию идеи «самообогащения», т. е. жажды преодоления человеческой природы, при этом смерть

рассматривается как важный этап на пути к достижению бессмертия [Ковалевская 2019: 8].

Когда наблюдается ослабление христианской веры, подразумевающей приобщение к Богу всего человеческого естества, по Ковалевской, наступает мифологическое «самообогащение», реализующееся несколькими путями: попыткой преодоления смерти с помощью научного подхода, путём «животности», принятием смерти и прославлением нечеловеческой жизни в смерти [Там же: 199].

Преодоление смерти с помощью научного подхода можно считать очевидной тенденцией, свойственной, в частности, веку XX с его промышленной революцией и грандиозными научными достижениями. В основе его — философия Николая Федорова. Путь «животности» нередко реализуется как свое-

образное оборотничество. Принятие смерти и прославление нечеловеческой жизни в смерти — одно из древнейших мифологических трансгуманистических течений, описываемых во многих произведениях [Там же: 200—202].

В рамках данной работы трансгуманизм в смерти и становится отправной точкой исследования. Среди современных российских авторов, выстраивающих взаимодействие между технологическими, мифическими и метафизическими областями в своих произведениях, наиболее ярко выделяется В.О. Пелевин.

Актуальность статьи обусловлена активным развитием технологий и возросшим интересом к вопросам изменения человека на пути трансгуманизма, т. е. преодоления человеческой сущности. Понимание того, как современная литература отражает и предсказывает возможные сценарии развития общества в контексте трансгуманизма, является важным шагом к осмыслению будущего, которое уже наступает, и подготовки к нему.

Цель статьи — исследовать, как в творчестве В.О. Пелевина через призму мифологического трансгуманизма и, в частности, образа вампира осмысливается проблема трансформации человеческой природы в условиях научно-технического прогресса.

Новизна исследования заключается в применении разработанной Т.В. Ковалевской концепции мифологического трансгуманизма к анализу творчества В.О. Пелевина.

Обсуждение

В 2006 году в свет выходит роман В.О. Пелевина «Ампир V. Повесть о настоящем сверхчеловеке», где в центре повествования — обращение героя в вампира.

Будучи первоначально представителем нежити, вампир в своей мифологической истории проходит путь до едва ли не народного любимца. Такой семантический сдвиг в интерпретации мифологического образа является результатом определенных тенденций развития общественного сознания или, скорее, подсознания, которое начинает допускать даже и с некоторой благосклонностью такой вид существования, так как вампиризм, который трактуется как избавление от человеческого начала, как своеобразная форма эскапизма, желание покинуть несовершенный насущный мир и отправиться в идеальный мир идей.

Сегодня под влиянием массовой культуры чаще всего вампиры не представлены хищниками, меняющими людей. Скорее, они способны черпать у людей вдохновение, в то время как люди могут стремиться к их красоте и сдержанности. Поэтому способность укротить своих внутренних демонов, усмирить беснующуюся жажду крови и влиться в общество, соблюдая параллельно определенную дистанцию, свойственна человеку нового типа, тому, кто прошел этап трансгуманизма и преодолел смерть, представ сверхчеловеком, а в случае с мифологическим трансгуманизмом — вампиром.

В «Ампир V» воспроизводится система, в которой вампиры являются адептами культа богини Иштар и управляют людьми. Для расширения семантики образа вампиров автор, наряду с нечеловеческой природой, дополняет их изображение человеческими качествами: страхом, любовью, сомнениями, душевными метаниями. Можно сказать, что вампир — это есть «улучшенный» человек, который преодолел смерть, но потерял эмпатию. Их внешность, интеллект и эмоциональный опыт

превосходят человеческие: «Преодоление смертности выводит бытие человека и познание им социальной реальности на новый уровень» [Миллер 2023: 91]. Неслучайно один из представителей вампиров произносит то, что заставляет Романа, главного героя, задуматься: «В человеческой мифологии считается, что тот, кто становится вампиром, теряет душу. Это ерунда. Всё равно, что сказать, будто лодка теряет душу, когда на неё ставят мотор. Ты ничего не потерял. Ты только приобрёл. Но приобрёл так много, что всё известное прежде ужалось до полного ничтожества. Отсюда и чувство потери...» [Пелевин 2022: 34].

Очевидный пелевинский пессимизм относительно людей заметен и во фразе другого вампира, называющего человека самым жутким и бессмысленным убийцей на Земле. Тогда его преодоление — это вопрос выживаемости и прогресса. Опыт же, накопленный предшественниками, помогает в объективной оценке мира и даже самого себя. Этот процесс происходит постоянно, каждый раз дополняясь новыми научными открытиями и технологическими приемами, доводя сознание до абсолютного сверхума.

В свете этого решается главная проблема человечества — преодоление смерти. Путь, избранный в романе, — это преодоление смерти в смерти, возможность умереть, чтобы возродиться. Если ориентироваться на теорию Ковалевской, Вампиризм у Пелевина — это не наука, а «темная инициация», мифологический путь к бессмертию [Ковалевская 2019: 200]. По мере развития сюжета трансформации затрагивают не только внешность героя, но и его духовное естество, его имя.

Главный герой Роман Шторкин, превращаясь в вампира после передачи

ему способностей от другого бессмертного Браммы, переименуется в Раму. Рама в индийской мифологии считается главным божеством и одним из аватаров Вишну. Наблюдается прямая реализация бессмертия в смерти: перерождение человека в новой ипостаси, близкой к божественной. Передав свои способности (язык) главному герою, Брама умирает, и теперь Роман, назвавшийся Рамой, способен с помощью «языка» читать мысли людей или вампиров, «продегустировав» их кровь. Исследователь Т.А. Загидулина отмечает, что для главного героя вампиризм в первую очередь является «дорогой познания» [Загидулина 2023: 87].

Кроме смены имени и частичной модификации облика, Рама меняет и образ мыслей. Любой молодой вампир обязан изучать две главные вампирические науки: гламур и дискурс, с помощью которых можно манипулировать человеческим сознанием. Своеобразна и социализация вампира: с одной стороны, он остается человеком, с другой — возвышается над людским родом, контролируя указанные гламур и дискурс, управляющие миром.

Неслучайно второе название романа «Повесть о настоящем сверхчеловеке», а отсылки к Ницше — прямые, без иносказательности: «Слова Энлиля Маратовича намекали на незнакомое мне состояние духа: гордое, уверенное, безразличное. Так, наверно, должен был чувствовать себя нищенский сверхчеловек» [Пелевин 2022: 214]. Избавить себя от человеческих чувств, возвыситься над остальными и продемонстрировать власть — именно таким сверхчеловек предстает в художественном мире Пелевина. Это тот, кто прошел трансгуманистический путь и изменился. Так в художественном мире Пелевина происходит «самообоже-

ние», ведь люди теперь стремятся стать не просто «образом и подобием», но самим божеством, каковым и являются вампиры в романе.

Склонность к метаморфозам, свойственная героям Пелевина, открывает возможность для **создания новой религиозной парадигмы** и позволяет взглянуть на мир **с иного ракурса**, нетипичного для человека. Некоторые категории, присущие человеческому мышлению, для вампиров оказываются неактуальными. Любой из «детей ночи», несмотря на их демонизацию на протяжении тысячелетий, руководствуется несколькими мотивами для совершения того или иного поступка. Существова долгие годы, вампиры так или иначе вынуждены отдаляться от социума, в котором проживают сейчас. Нормы морали, свойственные одной эпохе, в другой оказываются неподходящими, а потому мы видим не просто монстров-одиночек, а полноценно развитое тайное древнее общество со своей иерархией и законами. В мире вампиров не существует понятий добра и зла, свойственных людям, поскольку моральные нормы — это стандарт, который устанавливается обществом, а потому говорить о добре или зле в понимании вампира-сверхчеловека оказывается невозможным. Вампиры кажутся людям безусловным злом и паразитирующим видом, но их самовосприятие и внутренняя идеология гораздо сложнее этой упрощенной схемы. Так, Энлиль Маратович, один из главных вампиров, поучая Раму, выдвигает другую версию, объясняющую положение вампиров (сверхчеловека) в иерархической парадигме: «Считается, что люди — вершина пирамиды, поскольку они могут есть кого угодно, когда угодно, как угодно и в каком угодно количестве. На этом основано человеческое

самоуважение. Но на самом деле у пищевой цепи есть еще более высокий этаж, о котором люди в своем большинстве не имеют понятия. Это мы, вампиры. Мы высшее на Земле звено. Предпоследнее. Вампиры не только высшее звено пищевой цепи, — продолжает Энлиль Маратович, — они еще и самое гуманное звено. Высокоморальное звено» [Пелевин 2022: 49].

Являясь героем одной реальности, которая его не устраивает, персонаж Пелевина оказывается влит в другую, в которой также становится лишним из-за присущей ему человечности. Рама впоследствии приходит к некой новой духовности и в прямом смысле «воспаряет» над миром, получая душевное спокойствие.

Человеческий мир болен, отчего некогда великая культурная цивилизация терпит крах и проигрывает «нелюдям», постепенно утрачивая моральные принципы и всё больше увлекаясь материальным. Автор в большинстве своих произведений развивает последовательно антигуманистические идеи, раз за разом противопоставляя несовершенство человеческой природы превосходству иных форм жизни, и потому агрессивная и жестокая в обычном представлении публика в осмыслении Пелевина предстает адекватной, которая должна заменить человеческий род. Например, в «Священной книге оборотня» человечность — путь в никуда, в то время как возможность стать «сверхооборотнем» ведет к просветлению. В «Жизни насекомых» жизнь каждого человека не более ценна, чем жизнь какого-нибудь навозного жука или бабочки. В романе «Трансгуманизм Inc.» человек оказывается пешкой в руках сверхмощного искусственного интеллекта. Так преодолевается гуманизм и восходит трансгуманизм,

являющийся угрозой для человечества [Грива 2019: 253].

И последнее, на что следует обратить внимание в этом романе, — это идеи корпораций, которые становятся важным этапом в мире будущего. Корпорация вампиров — это не просто организация, а трансгуманистический проект по выведению «постчеловека». В «Ампи́р V» — это «Пятая империя», занимающая важное место в жизни вампиров [Помялов 2010: 89]. Образ Пятой империи был создан писателем А. Прохановым, утверждавшим, что процветание России возможно только в виде империи. По его мнению, империями, предшествовавшими «Пятой», являются Киевская Русь, Московское царство, правление Романовых и Советский Союз [Проханов 2007]. Это государство, построенное на гармоничном сосуществовании разных национальных и политических общностей.

Созданный Прохановым образ Пятой империи становится своеобразным концептом в романе Пелевина. Концепт «Пятой империи», по мысли А.В. Помялова, раскрывается в тексте Пелевина как пространство постчеловеческой диктатуры [Помялов 2010: 90]. Здесь реализуется ключевая идея мифологического трансгуманизма (по Т.В. Ковалевской): трансформация человека в вампира есть преодоление биологической ограниченности. Однако «граница допустимого» здесь нарушается — прогресс в виде технологий управления сознанием (гламура) превращает человечество в пассивный биоресурс, что деконструирует оптимистические прогнозы классического трангуманизма.

Помимо этого, империя существует сразу в двух измерениях: идеальном (приближенном к Богу) и реальном (ориентированном на земную жизнь)

[Миллер 2023: 92]. В этой системе государство идеально с точки зрения того, что служит не людям, а чему-то большему, например, Божьему замыслу [Проханов 2007].

Корпоративное устройство общества у Пелевина выступает как инструмент институционального трансгуманизма, где биологическая эволюция заменяется социальной инженерией. Пелевин, в отличие от Проханова, не идеализирует «Пятую империю», а дает ей статус несовершенного, но существующего в рамках нашей действительности государства [Помялов 2010: 90]. Для автора не имеет значения ее периодизация: данный элемент представляет собой либо метафору неизменного общества будущего, либо является полемическим ответом Проханову.

Здесь, вероятно, кроется свойственная постмодернизму игра скриптора с читателем. Применяя интертекстуальность, используя в тексте элементы, расширяющие смысловое поле произведения, Пелевин, возможно, обыгрывает само название «Ампи́р V», отсылающее к «Пятой империи». Римская цифра «пять» соответствует латинской букве V, с которой при транслитерации в латиницу и пишется слово «вампир». Таким образом, мы видим, что существование «Пятой империи» немислимо без вампирического образа жизни, — это её константа. Отсюда и вывод, что власть в идеальном измерении теперь принадлежит не людям, а вампирам, то есть сверхлюдям [Помялов 2010: 90].

Роль вампиров определяется и непосредственно самим существованием людей, которых первые вывели искусственным путем для потребления «баблоса». «Баблос — это священный напиток, который делает вампиров богами. Это — конденсат жизненной силы

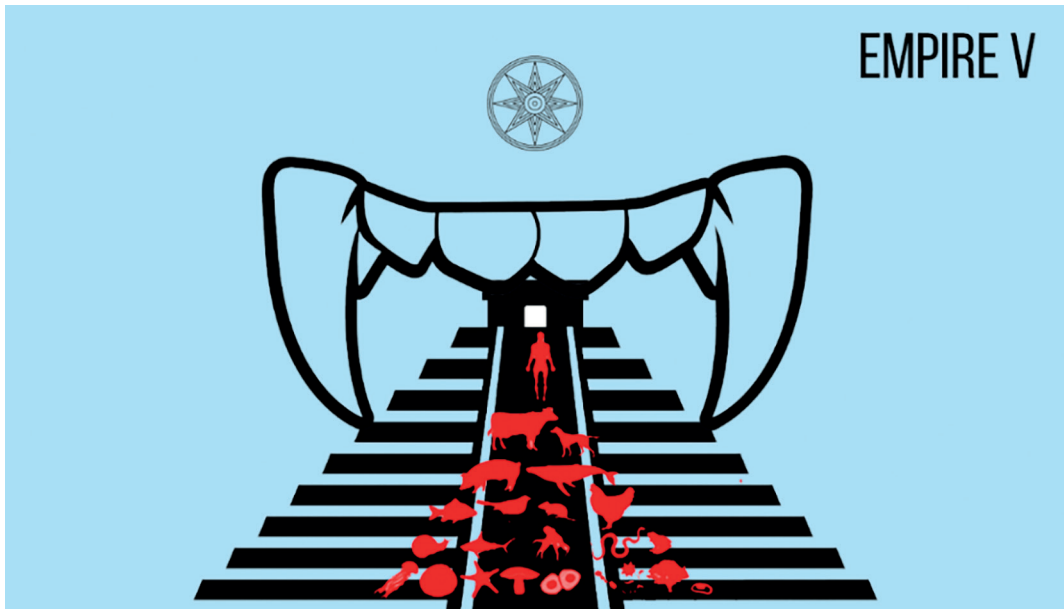

Рис. 1. Пищевая цепь «Ампир V»

человека, который вырабатывает человек, зарабатывая деньги, или в просторечии “бабло”. Именно в этом состоит предназначение человека в рамках разделения труда, установленного законами “Empire V” [Пелевин 2022: 252]. Очевидно, что создание «баблоса» возможно только благодаря людям, стремящимся достичь материальных благ.

Таким образом, гражданин «Пятой империи» в земном измерении прежде всего потребитель без духовности и национального самосознания, вопреки представлению Проханова. В этом и проявляется полемика Пелевина с ним. Для осуществления контроля над таким потребителем как раз создаются гламур и дискурс, которые не должны стать смыслом жизни для вампиров. Гламур, говоря современным языком, задает тренды, а дискурс, в свою очередь, находит логичные объяснения этим трендам и вводит их в сознание людей [Помялов 2010: 90].

Вампиры Пелевина научились жить практически без употребления крови и теперь кусают людей только для получения их витальной силы. Поэтому иерархия «Пятой империи» напоминает хорошо замаскированную под современную имперскую диктатуру, в которой есть грамотные кукловоды, управляющие и физическим, и психическим состоянием людей.

Итак, в условиях современных реалий на смену постоянному и устойчивому порядку приходит «Пятая империя», в которой вера в Бога заменилась на веру, в созданные богами идеалы (гламур, дискурс) [Там же: 89]. Такая тенденция способна стать вечной, поскольку поддерживает комфортное существование сверхчеловека, то есть того, в ком воплощены «образ и подобие», а в контексте пелевинского мира — вампира.

Возможно, в предыдущие эпохи вампирам было бы выгодно религиоз-

ное направление человеческой мысли, но в современном мире идеалы изменились, и витальная энергия мощнее вырабатывается от примитивных желаний людей заработать больше. В связи с этим возникает вопрос: какой финал ожидает социум, утративший традиционную гуманистическую мораль? С точки зрения автора, привычного исторического финала не последует, так как на вершине эволюционной лестницы оказывается уже не человек, а вампир. Является ли вампир у Пелевина «идеалом» трансгуманизма или это злая сатира на него?

Заключение

Важная деталь трансгуманизма Пелевина — создание человеком чего-то нового и уход со сцены. В случае с «Амбир V» цель человечества — создать то, что способно эффективно вырабатывать энергию, необходимую для вампиров, и уйти со сцены.

Сам же термин «амбир» неспроста считается высшей точкой и одновременно завершающим аккордом классического направления в искусстве [Помялов 2010: 90]. В онтологическом плане его роль относительно «Пятой империи» такая же: всё, что существовало до Пятой империи, было уничтожено, а в ней наблюдается девальвация старых норм и вырождение человечества, хотя происходящее прикрито мнимым развитием и значительными успехами. Человек опустился гораздо ниже животного, достичь приемлемого уровня жизни может привилегированная часть населения, чаще всего являющаяся халдеями. Сам Рама свое отношение к происходящему характеризует следующим образом: «Я люблю наш амбир. Люблю его выстрадавший в нищете гламур и выкованный в боях дискурс.

Люблю его людей <...> Смотрю на державные вышки, сосущие черную жидкость из сосудов планеты — и понимаю, что нашел свое место в строю. Превед, комарищ! Только строй держать надо будет крепко: впереди у нас непростые дни. Потому что ни красной, ни черной жидкости в мире не хватит на всех. И значит, скоро к нам в гости придут другие вампиры — пудрить нашему Ваньке ум “Б”, кося хитрым глазом и соображая, как бы половчее отсосать наш баблос. И тогда линия фронта вновь пройдет через каждый двор и каждое сердце» [Пелевин 2022: 409]. Слова главного героя подразумевают, что человечество ждет упадок, а сама система стремится к новому уровню развития, пока что неведомому даже самому Рама.

«Баблоса» хватит не всем, а потому мир ожидают изменения, которые в большинстве своем будут направлены только на эксплуатацию людей и на высасывание энергии из их желаний, что будет наиболее ярко продемонстрировано уже в следующем романе Пелевина, являющемся продолжением этого, «Трансгуманизм Inc.».

Автор подводит читателей к тому, что человечество станет лишь сосудом для паразитов, вынужденным кормить их, и работы ему предстоит намного больше, чем было до этого. Число вампиров увеличивается, а значит, и человечество обречено на гибель. Так Пелевин намечает один из вариантов развития будущего. Возможно, эти предсказания окажутся лишь плодом фантазии писателя, а возможно, большая часть описанного войдет в нашу реальность. Но пока ещё есть возможность всё исправить и человечество в состоянии выбрать один из путей своего развития и реализовать наиболее благоприятный.

Литература

1. Грива О.А. Философское и богословское осмысление трансгуманизма как феномена // Ежегодная богословская конференция православного Свято-Тихвинского гуманитарного университета. 2019. № 29. С. 253–255.
2. Загидулина Т.А. Формы трансгуманизма в творчестве В. Пелевина 1990-х-2000-х годов // Теории. Концепции. Проблемы. 2023. № 2. С. 81–91.
3. Ковалевская Т.В. Мифологический трансгуманизм в русской литературе: Достоевский и Серебряный век. М.: Рос. гос. гуманитарн. ун-т, 2019. 207 с.
4. Миллер В.И. Трансгуманизм как явление современной культуры (на примере творчества В. Пелевина) // Общество: философия, история, культура. Краснодар, 2023. № 5. С. 89–93.
5. Пелевин В.О. Empire V: [роман]. М.: Издательство АСТ, 2022. 416 с.
6. Помялов А.В. Концепт Пятая империя в литературном произведении (на примере романа Виктора Пелевина Empire V) // Вестн. Университета Российской академии образования. 2010. № 1. С. 188–190. <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-pyataya-imperiya-v-literaturnom-proizvedenii-na-primere-romana-viktora-pelevina-empire-v> (дата обращения 20.05.2025)
7. Проханов А.А. Пятая империя: Роман. М.: Амфора, 2007.

The Enhanced Human: Vampirism as a Foreshadowing of the Transhumanist Era in Victor Pelevin's "Empire V"

Riya G. Khizrieva,

Postgraduate student

Lomonosov Moscow State University (*Moscow, Russia*)

E-mail: riya_tk@mail.ru

The article examines the concept of transhumanism in V.O. Pelevin's novel "Empire V". Offering a specific aesthetic-philosophical lens, the author appeals to T.V. Kovalevskaya's ideas about the three paths of transhumanism: overcoming death through science, the path of animality, and the path of immortality in death. Within the framework of this study, the primary focus is on the path of immortality in death, with vampirism serving as its most vivid manifestation.

Key words: transhumanism, V.O. Pelevin, vampirism, T.V. Kovalevskaya, immortality.

Статья подана 8 июля 2025 г.

Одобрена к публикации 26 января 2026 г.

DOI: 10.18572/2687-0339-2026-2-42-52

Система работы над пониманием иронического подтекста на занятиях по русскому языку как иностранному

Елена Борисовна Демидова,

кандидат филологических наук, доцент, доцент

Московский педагогический государственный университет (*Москва, Россия*)

ORCID: 0009-0005-8244-3052

E-mail: lena2707@yandex.ru

В статье рассматривается проблема понимания художественного текста в иностранной аудитории. Автор исходит из того, что при их большом желании иностранных учащихся читать русскую классическую литературу глубинный внутренний смысл многих произведений часто остаётся за пределами понимания инофонов. При этом наиболее сложным для восприятия и осмысления оказывается иронический подтекст, являющийся важнейшей составляющей стиля многих классиков русской литературы. Автор показывает, что в данном направлении нужна системная и систематическая работа на занятиях по русскому языку как иностранному; необходимо обращать особое внимание иностранных учащихся на языковые средства создания иронического эффекта. В статье показана логика комплексного анализа языковых средств выражения иронии, когда к рассмотрению принимаются лексические, словообразовательные, морфологические и синтаксические средства.

Ключевые слова: русский как иностранный, художественный текст, иронический подтекст, языковые средства выражения иронии.

Воздействующая сила русской художественной литературы, направляющей и формирующей личность читателя, неоспорима. И в наши дни можно наблюдать, как интерес к вопросам этического и философского характера, которые поднимает русская классическая литература, не ослабевает, а наоборот, растёт, и это необходимо использовать при обучении русскому языку как иностранному (РКИ).

Преподаватели РКИ всё чаще обращаются к проблеме глубокого понимания инофонами художественного произведения. «Преподавание языка как иностранного рано или поздно ставит перед обучающимся задачу чтения художественных текстов, образность которых затрудняет «прямое», только лишь грамматическое понимание на-

писанного. Изучение текстов художественной литературы — обязательная составляющая курса РКИ» [Сперанская 2025: 581]. В цитируемом исследовании показано, что такой подход принимается и зарубежными преподавателями РКИ. Так, в Педагогическом университете Пекина (КНР) углублённое чтение художественного текста не только включено как обязательная дисциплина в программу магистратуры, но и углублённо изучается в рамках особого спецкурса [Там же].

Принцип заинтересованности в познании глубинных пластов смысловой структуры художественного текста рассматривается современной лингводидактикой в качестве одного из важнейших стимулов успешного овладения инофонами изучаемого языка.

«Именно на материале художественного текста удобно решать главную задачу обучения иностранному языку — развивать речь (формировать языковую, речевую, дискурсивную, прагматическую компетенции). Художественный текст, на наш взгляд, гораздо сильнее, чем так называемый «текст-тема», побуждает учащихся говорить, так как все проблемы, затрагиваемые в художественном тексте, из жизни, они актуальны для каждого человека и являются стимулом для построения высказывания» [Маркова 2015: 178].

Работа с художественным текстом является приоритетным аспектом на завершающем этапе обучения, она также носит интегрирующий характер благодаря тем возможностям, которые дают подобные тексты [Маркова и др. 2011]. Среди целей использования таких текстов на занятиях по русскому языку как иностранному — обучение языку и речи, развитие межкультурной компетенции, формирование вторичной языковой картины мира, знакомство с русской культурой. Согласно концепции Е.И. Пассова (см. подробнее: [Пассов 2000; 2005 и др.], «присвоение» учащимися иноязычной культуры является центральным компонентом и конечной целью их коммуникативного иноязычного образования, направленным не просто на изучение языка (его лексики и грамматики), а на развитие языковой личности через диалог культур.

Однако русский художественный текст, как правило, содержит большое количество трудностей разного уровня для иностранных обучающихся, что приводит к искажению и непониманию как глубинных смыслов текста, так и основной идеи произведения. Концептуальная сфера текста «реализуется в определённых принципах, взаимодействующих в тексте: принцип неназывания, сокровенности; принцип ассоциативных связей; принцип фреймовой структуры; <...> принцип ключево-

го слова; принцип контекста» [Башкова 2005: 191]. Изучение иронической составляющей содержания текста сопряжено в иностранной аудитории с особыми трудностями, связанными со спецификой философско-эстетической категории иронии. Поэтому, прежде чем начать работу над конкретными текстами, необходимо познакомить иностранных учащихся с основными характеристики иронии как одной из разновидностей эстетической категории комического.

В широком смысле **ирония** (от греч. *eironeia* — ‘притворство’) — это один из способов реализации критического отношения автора текста к действительности. В ироническом подтексте смешное как бы скрывается под маской серьёзного, при этом ирония всегда таит в себе чувство превосходства или скептицизма говорящего по отношению к тому или иному объекту ситуации. В этом принципиальное отличие иронии от юмора, который не высмеивает ситуацию действительности, для него не характерно отрицание или осмеяние, притворно подаваемое как одобрение. В рамках иносказательного иронического контекста, выражающего насмешку или лукавство, языковые единицы обретают значение, противоположное своему буквальному смыслу, отрицают его, ставят под сомнение (см. подробнее: [ЛитЭс 1987: 132; Сковородников 2003: 227–229] и др.). В авторской иронии отражаются особенности идейно-образного критически настроенного мышления автора, своеобразие его мировоззрения, неповторимая художественная манера писателя.

Опыт конкретной работы с художественными текстами в иноязычной аудитории убеждает в том, что изучение подобного текста целесообразно начинать с рассмотрения его общей содержательно-смысловой характеристики и закончить анализом того, при помощи каких языковых средств автор

реализовал свой замысел; см. подробнее: [Маркова 2007: 54]. Иностранные учащиеся филологического профиля 3-го — 4-го годов обучения, как правило, уже имеют необходимые и достаточные знания по основам лексики и грамматики русского языка, поэтому они, как правило, самостоятельно «характеризуют языковые средства, используемые в авторской речи, в речи героев произведения, объясняют закономерности использования этих средств, связывая их с характеристиками героев и авторской позицией» [Там же]. На данном этапе обучения уже возможно восприятие иностранными учащимися **подтекстовой** информации, в том числе и той, что относится к сфере иронии.

Приступая к изучению иронически направленного текста, необходимо в первую очередь научить студентов различать, с одной стороны, «ситуативную» иронию, т.е. «иронию положений» (реальных жизненных «происшествий»), а с другой — иронию, которая создаётся средствами языка.

Так, в ранних произведениях А.П. Чехова, как известно, комизм часто создаётся не специальными речевыми «средствами иронии», а изображением логически несообразных ситуаций; при ярких зарисовках характеров преобладает комизм веселых происшествий. Это можно наблюдать почти во всех его юмористических рассказах («Счастливчик», «Светлая личность», «Злой мальчик», «Орден», «Сапоги», «Беззащитное существо» и др.). Ср.: *Лапкин страшно покраснел и зажевал вместо вафли салфетку* (Чехов. «Злой мальчик»; 3: 32)¹; *Они видели, как*

перед четвёртым актом от театра по главной аллее промчался босой человек с жёлтым лицом и с глазами, полными ужаса. За ним гнался человек в костюме Синей Бороды и с револьвером в руке (Чехов. «Сапоги»; 3: 43]. Комизм носит во многом внешний, «ситуативный» характер и в произведениях М.А. Булгакова: *Простите, вы были другом моего покойного Миши? — спросил он, утирая рукавом левый сухой глаз, а правым изучая потрясаемого печалью Коровьева* (Булгаков. «Мастер и Маргарита»; 1: 467). Н.В. Гоголь, как будет показано ниже, также часто иронизирует над удивительными приключениями своих героев, над несуразностью их поступков. Примеры данного рода понятны иностранному читателю и не требуют специального языкового комментария.

В ходе аудиторных занятий, посвящённых рассмотрению собственно языковых оснований реализации в тексте иронии, специального внимания требует иной тип иронии, когда ироническая составляющая текста создаётся в результате применения автором специальных приёмов использования единиц всех основных значимых уровней языка — **лексического, словообразовательного, морфологического и синтаксического**. В результате, как будет показано ниже, нередко наблюдается явление «столкновение стилей», представляющее собой одну из предпосылок реализации в тексте иронии.

Простейшим типом иронии, с которым необходимо познакомить инофонов, является **«собственно ирония»**, базирующаяся на **лексическом** приёме «обратного» словоупотребления. Данное ироническое значение контекстуально. Для правильного прочтения таких фрагментов текста иностранные студенты должны чётко уяснить, что смысл отдельных лексем может в опре-

мера источника указывается номер тома, а затем — страница).

¹ После каждого из рассмотренных в статье языковых примеров даётся отсылка к приводимому в конце библиографического раздела перечню источников языкового материала (указывается курсивом порядковый номер книги в этом перечне — напр. 3, и страница — напр. 32). Если издание многотомное (см. в перечне источников издания 2 и 4), то после порядкового но-

делённом контексте быть прямо противоположен их общепринятому, словарному значению: *Стёпа разлепил склеенные веки и увидел, что отражается в трюмо в виде человека с торчащими в разные стороны волосами, с опухшей, покрытой чёрной щетиной физиономией, с заплывшими глазами, в грязной сорочке с воротником и галстуком, в кальсонах и в носках... Молчание нарушил этот неизвестный, произнеся низким, тяжёлым голосом и с иностранным акцентом следующие слова: — Добрый день, **симпатичнейший** Степан Богданович!* (Булгаков. «Мастер и Маргарита»; 1: 343). Контекст однозначно показывает, что герой никак не может быть симпатичен «иностранцу».

Подобные способы выражения иронии просты для восприятия иностранными учащимися и не требуют специальной подготовки. Гораздо сложнее научить инофонов понимать более сложные языковые формы иронии, как бы читать «между строк» то, что хотел сказать автор. Приёмы создания иронического эффекта достаточно разнообразны, но в основе их лежит один и тот же принцип: сознательное нарушение стандартного способа выражения того или иного значения.

В результате, как уже было сказано, нередко наблюдается явление «столкновения стилей», выражаемое в намеренном нарушении стилистических норм сочетаемости слов, в контрастном соединении обыкновенно не соединяемых слов, в разрушении привычных языковых связей. Именно благодаря этому и создаётся иронический эффект, производимый тем или иным фрагментом художественного текста, ср.: *Зато занятия её совершенно соответствовали её виду: она влезала на дерево и трусила груши, била ленивых вассалов своею страшною рукою и подносила достойным рюмку водки из той же грозной руки* (Гоголь. «Иван Федорович Шпонька и его тетушка»; 2, т. 2: 185); *Я понял тог-*

да, для чего я живу, понял, где мой кумир, которому я должен посвятить свою честную трудовую жизнь... [персонаж вдруг отвлекается на клёв рыбы:] *это, должно быть, большая клюёт...* (Чехов). «Злой мальчик; 3: 30).

К той же группе средств создания иронии можно отнести приём резкого несоответствия способа изложения предмету речи. Например, лексика «высокого» стиля даёт возможность иронического комментирования в художественном тексте событий, происходящих на бытовом уровне. Ср. два примера из «Мастера и Маргариты» Булгакова: *Полным горя голосом буфетчик отказался от предложения хозяина снять штаны и просушить их перед огнём и, чувствуя себя невыносимо неудобно в мокром белье и платье, сел на другую скамеечку с опаской* (1: 475); *В числе прочего было потрясающее по своей художественной силе описание похищения пельменей, уложенных непосредственно в карман пиджака, в квартире № 3* (Там же: 361). Учащиеся учатся находить в примерах такого рода слова и выражения из книжного стиля и из разговорно-просторечной речи. Задача преподавателя заключается в том, чтобы помочь студентам почувствовать стиливое несовпадение используемой в высказывании лексики или несоответствие лексики описанной ситуации. При этом чем дальше находятся друг от друга сферы употребления слов, тем неожиданнее оказывается их сближение и, как следствие, сильнее иронический эффект.

Учащиеся могут наблюдать ещё один из излюбленных приёмов русских писателей — мастеров иронии: включение в художественное произведение штампов официально-делового стиля. Ср.: *Они, они — козлиным голосом запел длинный клетчатый, во множественном числе говоря о Стёпе, — вообще они в последнее время жутко свинячат. Пьянствуют, вступают в связи с женщинами, используя своё положение,*

ни черта не делают, да и делать ничего не могут, потому что ничего не смыслят в том, что им поручено. Начальству втирают очки! — Машину зря гоняет казённую! — наябедничал и кот, жуя гриб (Там же: 350). Поскольку учащиеся обладают знаниями по стилевому расслоению лексики русского языка, они могут сделать вывод, что автор намеренно совмещает в одном контексте несовместимое и парадоксальное — канцеляризмы и разговорно-просторечную лексику в целях создания иронического эффекта.

В этой связи следует обратить внимание иностранных учащихся на приём речевой характеристики персонажа. Нередко она выглядит убогой или же неуместно претенциозной, например: *Вот беда! Не ушиблись ли вы, не сломали ли ещё, боже оборони, шеи? — лепетала заботливая Хивря. — Тс, ничего, ничего, любезнейшая Хавронья Никифоровна! — болезненно и шепотно произнёс попович, подымаясь на ноги, — выключая только уязвления со стороны крапивы, сего змиеподобного злака* (Гоголь. «Сорочинская ярмарка»; 2, т. 2: 23). Речь гоголевских персонажей в подобных контекстах как бы претендует на высшую форму выражения мысли, но по характеру лексического состава она воспринимается как чрезмерно вычурная.

В других произведениях нередко присутствуют также просторечная и грубая лексика, жаргонизмы, разговорные частицы, отмечается нарушение грамматической и логической связи, последовательности изложения мысли: *Шаг у неё хорош; только ... чёрт его знает ... этот дурак фершел дал ей каких-то пилудь, и вот уже два дня всё чихает* (Гоголь. «Коляска»; 5: 62); — *Я женщина беззащитная, слабая, я женщина болезненная, — говорила Щукина. — На вид, может, я крепкая, а ежели разобрать, так во мне ни одной жилочки нет здоровой. Еле на ногах стою и аппетита решилась... Кофий сегодня пила, а без всякого удовольствия* (Чехов.

«Беззащитное существо»; 3: 58). Следует предложить учащимся исправить стилистические ошибки, допущенные героями, подумать о том, как в результате этого изменится текст, и ответить на вопрос, почему автор сознательно копирует безграмотную речь.

Органично в общую архитектуру текстовых противопоставлений входят средства, предоставляемые **антонимией** (как общезыковой, так и контекстуальной), например: *Так грозная сожительница Черевика ласково ободряла трусливо лепившегося около забора поповича* (Гоголь. «Сорочинская ярмарка»; 2, т. 2: 22); *В кулисах стали переглядываться и пожимать плечами. Бенгальский стоял красный, а Римский был бледен* (Булгаков. «Мастер и Маргарита»; 1: 389); *Нет, я категорически против «Колизея, — гремел на весь бульвар гастроном Амвросий — Не уговаривай меня, Фока! Я не уговариваю тебя, Амвросий, пиццал Фока, — дома можно поужинать* (Там же; 1: 323). Иностранные обучающиеся хорошо знают и понимают явление антонимии в русском языке, многие могут самостоятельно найти антонимы в тексте. Задача преподавателя — обратить внимание инофонов на стилистическую функцию, которую выполняют эти лексические единицы.

В работе «Язык художественных произведений» В.В. Виноградов отмечал: «Пользуясь общенародным языком своего времени, писатель отбирает, комбинирует и — в соответствии со своим творческим замыслом — объединяет разные средства словарного состава и грамматического строя своего родного языка» [Виноградов 1959: 183]. Показывать это — основная задача преподавателя. Однако в художественном тексте могут также активно использоваться и специальные изобразительно-выразительные приёмы художественной речи. **Метафорическое** словоупотребление в тексте зачастую тоже содействует созданию иронического эффекта, напри-

мер: *В то же самое время вошла старушка, низенькая, совершенный кофейник в чепчике* (Гоголь. «Иван Фёдорович Шпонька и его тётушка»; 2, т. 2: 189); — *Что ж — вы говорили, что сейчас, как только увидите с тетушкой, приедете, да и не приехали?* — *После сих слов губы Ивана Федоровича встретили те же самые знакомые подушки* (Там же: 188). Этот художественный приём хорошо известен учащимся. Следует обратить их внимание на то, как необычность выбранных для сравнения объектов создаёт иронический эффект. Метафорические осмысления приобретают не только существительные со значением неодушевленности, но и глагольные словоформы, способные к широкому ассоциативному отождествлению, например: — *Вставай, вставай!* — *дребезжала на ухо нежная супруга, дергая его изо всей силы за руку* (Гоголь. «Сорочинская ярмарка»; 2, т. 2: 30).

Иностранные обучающиеся могут отметить в художественных текстах и совершенно нелепые с точки зрения стандартной русской речи сочетания слов, но преподаватель поясняет, что данный художественный приём, основанный на сочетании противоположных по значению слов, носит название **оксюморона** и также часто применяется с целью создания иронического эффекта, ср. примеры из «Мастера и Маргариты» Булгакова: *Умерев, Куролесов поднялся, отряхнул пыль с фрачных брюк, поклонился, улынувшись фальшивой улыбкой...* (1: 435); *Этот несуществующий и сидел на кровати* (Там же: 522); *В голове сложилась праздничная картина позорного снятия Стёпы с работы* (Там же: 422).

При чтении художественных текстов иностранные студенты могут встретить ещё одно непонятное для них словоупотребление, усиливающее иронический подтекст. Речь идёт о **синекдохе** — разновидности метонимии, т.е. о стилистическом приёме, при котором название общего переносится

на частное, например: — *Товарищ Бездомный, — заговорило это лицо юбилейным голосом, — успокойтесь!* — ...*Товарищ Бездомный, помилуйте, — ответило лицо, краснея, нятясь и уже раскисаясь, что ввязалось в это дело* (Там же: 331); — *Артиста Воланда можно попросить?* — *сладко спросил Варенуха. — Они заняты, ответила трубка дребезжащим голосом, — а кто спрашивает?* — *Администратор Варьете Варенуха. — Иван Савельевич?* — *радостно вскричала трубка, — страшно рад слышать Ваш голос! Как Ваше здоровье?* (Там же: 376). Учащиеся могут самостоятельно выполнить задание по поиску аналогичных примеров в подобранных преподавателем текстах.

Иностранные студенты-филологи уже с 1-го курса знают, что фразеологизм, как и слово, обладает целостным значением, иногда не зависящим от значения его компонентов. Это свойство позволяет автору сталкивать первичное и метафорическое значения фразеологической единицы, используя в стилистических целях приём **нарушения структуры фразеологизма**: *Свет, и так слабый в спальне, и вовсе начал меркнуть в глазах Стёпы. Вот как, оказывается, сходят с ума!* — *подумал он и ухватился за притолоку* (Там же: 349).

Кроме лексических и фразеологических средств, ирония обращается и к возможностям **морфологии**. Таково, например, использование **устаревших форм** различных частей речи. Учащиеся, конечно, могут квалифицировать подобное словоупотребление как ошибку, но преподаватель должен объяснить, что эти формы, имея, как правило, «высокое звучание», не соответствуют контекстному окружению, создавая тем самым иронический эффект: *Поэт поднял свечу над головой и громко сказал: — Здорово, други!* — *после чего заглянул под ближайший столик и воскликнул тоскливо: — Нет, его здесь нету!* (Там же: 329).

Превосходная степень имени прилагательного также зачастую несёт на себе значительную смысловую нагрузку, например: *Тонкий вдруг побледнел, окаменел, но скоро лицо его искривилось во все стороны **широчайшей** улыбкой...* (Чехов. «Толстый и тонкий»; 2, т. 1: 52). Студенты сами могут сделать вывод о том, что Чехов совсем не случайно использует данную форму прилагательного: суперлатив позволяет автору не только дать характеристику персонажа, но и выразить идею этого рассказа. Таким образом проявляется уникальная способность писателя коротко сказать о многом и важном. Иностранные обучающиеся могут обратить внимание на частотность превосходной степени прилагательных и в текстах Булгакова. Необходимо попросить учащихся вспомнить, какое значение в стандартном русском языке имеют эти формы, и предложить студентам поразмышлять, какое значение они могут приобретать с художественном тексте, ср.: *Произошла пауза, после которой, сделав над собой **страшнейшее** усилие, Стёпа выговорил: — Что Вам угодно? (Там же: 344); С маленьким же человечком, пока экономист сидел в каморке внизу, приключилась **неприятнейшая** история (Там же: 472).*

Ироническая окраска художественного текста выявляется во всех его строевых элементах, в том числе и в используемых автором **словообразовательных средствах**. Многократно повторяющаяся деталь в структуре слова, например эмоционально окрашенный аффикс, выражающий эмоциональную оценку, приобретает в тексте особый смысл. Значение **суффиксов субъективной оценки** известно иностранным обучающимся. Текстовые возможности подобных морфем активно использовал Н.В. Гоголь: *Бьюсь об заклад, если это сделано не хитрейшими руками всего Евина рода! — сказал попovich, принимаясь за **товчѣнички** и подвигая другою рукою **варенички** («Сорочинская ярмар-*

*ка»; 2, т. 2: 13); Иван Федорович, возьмите **крылышко**, вон другое, с пупком. Да что ж Вы так мало взяли? Возьмите **стегнушко**! Ты что разинул рот с блюдом? Проси! Становись, подлец, на колени! Говори сейчас: «Иван Федорович, возьмите **стегнушко**!» — Иван Федорович, возьмите **стегнушко**! — проревел, став на колени, официант с блюдом («Иван Фёдорович Шпонька и его тётушка»; Там же: 190).*

И А.П. Чехов также использует суффиксы субъективной оценки в качестве средства создания иронического эффекта: *Ольга Ивановна в гостиной увешала все стены сплошь своими и чужими этюдами в рамах и без рам, а около рояля и мебели устроила красивую тесноту из китайских зонтов, мольбертов, разноцветных **тряпочек**, кинжалов, **бюстиков**, фотографий... И все находили, что у молодых супругов очень **миленький угол** («Попрыгунья»; 5, т. 5: 51). Анализируя подобные примеры, студенты закономерно приходят к выводу, что эти словообразовательные средства позволяют автору выразить очень многое: и характеристику героини, и отношение автора к ней. Данные сведения как бы «спрятаны» внутри слова, и задача читателя — их распознать. Эти же суффиксы могут служить и средством речевой характеристики персонажа, одновременно выражая и иронический подтекст: ... *Да разве **братец** ихний приехали? ...Соскучились по **братце**?. А я ведь и не знал! Так это ихняя **собачка**? Очень рад... Возьми её... **Собачонка** ничего себе... Шустрая такая... Цап этого за палец!* («Хамелеон»; Там же, т. 1: 136).*

Деривационная игра с производящей основой, используемая автором в формировании внутренней структуры текста, также может играть важную роль в подчеркивании его иронического звучания, ср. примеры из «Мастера и Маргариты»: *Всё в порядке — приказал себе профессор, чувствуя, что всё в полном **беспорядке** и, конечно, главным образом*

из-за этого воробья (1: 483); В предложении переводчика заключался ясный практический смысл, предложение было очень **солидное**, но что-то удивительно **не-солидное** было и в манере переводчика говорить, и в его одежде, и в этом омерзительном, никуда не годном пенсне (Там же: 364); Что дальше происходило в квартире № 50, **неизвестно**, но **известно**, что происходило у Никанора Ивановича (Там же: 367).

Аналогичную функцию выполняет и так называемый **аффиксальный повтор** (точнее повтор слов с одним и тем же типом словообразовательной структуры): Восемнадцать тысяч долларов ... хранил Сергей Герардович в квартире своей любовницы Иды Геркулановны Ворс, которую мы имеем удовольствие видеть перед собою и которая любезно помогла обнаружить эти **бесценные, но бесцельные** в руках частного лица сокровища (Там же: 433). Учащиеся имеют возможность увидеть, что подобное повторение приставки или суффикса в одном контексте усиливает значение данного аффикса, контекстуально актуализирует это значение: Сам он съёжился, сгорбился, сузился... Его чемоданы и картонки съёжились, поморщились... (Чехов. «Толстый и тонкий»; 5: 52). Следовательно, при повторе одноструктурных слов словообразовательный формант становится своеобразным носителем художественного микрообраза, занимая важное место в образной системе произведения.

Студенты наблюдают также использование автором **антонимических приставок** с целью усиления иронического эффекта: «Господь меня наказует за скверну мою, — с чувством продолжал Никанор Иванович, то **застёгивая** рубашку, то **расстёгивая**, то **крестьясь**» (Булгаков. «Мастер и Маргарита»; 1: 428). Учащиеся начинают осознавать, что подобный приём не только контекстуально усиливает номинативную значимость каждой из антонимических приставок, но и делает данные слово-

образовательные форманты эффективным средством выражения иронического отношения автора к персонажу.

Среди **синтаксических** средств создания иронического подтекста прежде всего следует указать осуществляемое с интонацией перечисления **столкновение слов или их сочетаний, по смыслу весьма далёких друг от друга, в качестве синтаксически однородных**. Исследователи Гоголя отмечали, что в его произведениях в ряды однородных членов предложения объединяются «далековатые» по смыслу синтаксические единицы (см. подробнее: [Белый 1934]). Это объединение становится одним из самых излюбленных и характерных для поэтики Гоголя приёмов иронического повествования, например: В других местах всё почти плетень; посреди площади самые маленькие лавочки; в них всегда можно заметить **связку баранков, бабу в красном платке, пуд мыла, несколько фунтов горького миндаля, дробь для стрельяния, демикатон и двух купеческих приказчиков, во всякое время играющих около дверей в свайку** («Коляска»; 4: 61).

Этот приём часто встречается и у Чехова: В кабинет доктора входит тусклая личность с матовым взглядом и катаральной физиономией. Судя по размерам носа и мрачно-меланхолическому выражению лица, личность не чужда **спиртных напитков, хронического насморка и философии** («Драматург»; 3: 63); И, сидя за столом, он размышлял долго **о теперешнем направлении умов, о всеобщей безнравственности, о телеграфе, телефоне, велосипедах...** («Печенег»; 4, т. 6: 237). Студенты имеют возможность сделать вывод, что данный приём позволяет писателю не только удержать внимание читателя благодаря эффекту неожиданности, но и способствует созданию иронического эффекта.

Иронично настроенный автор нередко вводит в текст **сравнительные**

обороты, цель которых — сопоставление несопоставимого. Студенты приходят к выводу, что ирония повествователя проявляется в выборе несоотносительных объектов сопоставления, например: *Покой был известного рода; ибо гостиница была тоже известного рода, то есть именно такая, как бывают гостиницы в губернских городах, где за два рубля в сутки проезжающие получают покойную комнату с тараканами, выглядывающими, как чернослив...* (Гоголь. «Мертвые души»: 2, т. 1: 256); *В приёмах своих господин имел что-то солидное и высмаркивался чрезвычайно громко. Неизвестно, как он это делал, но только нос его звучал, как труба. Это, по-видимому, совершенно невинное достоинство приобрело, однако ж, ему много уважения со стороны трактирного слуги, так что он всякий раз, когда слышал этот звук, встряхивал волосами, выпрямлялся почтительнее и, нагнувши с вышины свою голову, спрашивал: не нужно ли чего?* (Там же: 258); *В этой конурке он приладил к стене узенькую трёхногую кровать, накрыв её небольшим подобием тюфяка, убитым и плоским, как блин, и, может быть, так же замаслившимся, как блин, который удалось ему вытребовать у хозяина гостиницы* (Там же: 257); *Маленькие глазки ещё не потухнули и бегали из-под высоко выросших бровей, как мыши, когда, высунувши из тёмных нор остренькие морды, насторожа уши и моргая усом, они высматривают, не затаился ли где кот или шалун мальчишка, и нюхают подозрительно самый воздух* (Там же: 360); *В переулках попадались солдаты с такими жёсткими усами, как сапожные щётки* («Коляска»; 4: 62). Сравнивая особенности художественного почерка разных авторов, преподаватель обращает внимание учащихся на то, что если у Чехова подобных сравнительных оборотов мало, то Гоголь является непревзойдённым мастером этого приёма.

Сложное предложение в структуре текста зачастую становится уровнем

реализации приёма «**обманутого ожидания**»; например: *... он этим ничуть не уронил своего весу: носил фрак с высокою талией на манер военного мундира, на сапогах шпоры и под носом усы...* (Гоголь. «Коляска»; 4: 62); *Тут после долгого ожидания к нему вышел маленький чернявый и кудрявый фармацевт, заспанный, в халате и с таким серьёзным и умным лицом, что даже стало страшно* (Чехов. «Неосторожность»; 3: 69). Несоответствие семантического содержания компонентов используемой синтаксической конструкции является прекрасным основанием для создания ошутимого иронического эффекта: *Надавать администратору по морде, или выставить дядю из дому, или подстрелить кого-нибудь, или какой-нибудь ещё пустяк в этом роде, это моя прямая специальность...* (Булгаков. «Мастер и Маргарита»; 1: 496). Усилению комического эффекта способствует алогичное употребление союзов и частиц, при которых сочетание никак внутренне не связанных слов и фраз даётся как логически осмысленное.

Сложное синтаксическое целое (ССЦ) также часто становится языковой единицей, благоприятствующей выражению иронии. В ткани поздней гоголевской прозы именно ССЦ всё чаще становится объектом реализации иронического подхода автора к действительности. Преподаватель обращает внимание обучающихся, что и на этом уровне мы можем обнаружить иронический приём **столкновения несоответствия сопоставляемых реалий**: *Эх, голова! Он никогда не носил пестрядевого халата, какой встретите вы на многих деревенских дьячках: но заходите к нему и в будни, он вас всегда примет в балахоне из тонкого сукна, цвету застуженного картофельного киселя, за которое платил он в Полтаве чуть ли не по шести рублей за аршин. От сапог его у нас никто не скажет на целом хуторе, чтобы слышен был запах дегтя: но всякому*

известно, что он чистил их самым лучшим **смальцем**, какого, думаю, с радостью иной мужик положил бы себе в кашу. Никто не скажет также, чтобы он когда-либо **утирал нос полою своего балахона**, как то делают иные люди его звания: но вынимал из пазухи опрятно **сложенный белый платок**, вышитый по всем краям красными нитками, и исправивши что следует, складывал его снова, по обыкновению, в двенадцатую долю и прятал в пазуху (Гоголь. Вечера на хуторе близ Диканьки; 2, т. 2: 6).

В завершение работы над языковыми средствами выражения иронии в художественном тексте студентам предлагается охарактеризовать роль **синтаксического параллелизма на уровне ССЦ** как средства выражения авторской иронии: **Заплясал** Глухарёв с поэтессой Тamarой Полмесяц, **заплясал** Квант, **заплясал** Жуков-романист с какой-то киноактрисой в жёлтом платье. **Плясали**: Драгунский, Чердачки, маленький Денискин с гигантской Штурман Жоржем, **плясала** красавица архитектор Семейкина-Галл, крепко схваченная неизвестным в белых рогожных брюках. **Плясали** свои и приглашённые гости, московские и приезжие, писатель Иоганн из Кронштадта, какой-то Витя Куфтик из Ростова, кажется режиссёр, с лиловым лишаём во всю щёку, **плясали** виднейшие

представители поэтического подразделения **МАССОЛИТа**, то есть Павианов, Богохульский, Сладкий, Шпицкий и Адельфина Буздяк, **плясали** неизвестной профессии молодые люди в стрижке боксом, с подбитыми ватой плечами, **плясал** какой-то очень пожилой с бородой, в которой застряло пёрышко зелёного лука... (Булгаков. Мастер и Маргарита; 1: 327); Но какую **телеграмму**, спросим мы, и куда? И зачем её посылать? В самом деле, куда? И на что нужна какая бы то ни было **телеграмма** тому, чей расплющенный затылок сдавлен сейчас в резиновых руках прозектора, чью шею колет сейчас кривыми иглами профессор? Погиб он, и не нужна ему никакая **телеграмма** (Там же: 328).

Таким образом, в ходе занятий по РКИ иностранные учащиеся приходят к пониманию природы такого сложного вида текстовой информации, как иронический подтекст. Они получают возможность осознать, что используя средства разных языковых уровней (лексического, словообразовательного, морфологического и синтаксического), русские писатели-классики добивались иронического звучания текста, и это позволяло им выразить в иносказательной форме своё критическое отношение к окружающей их действительности.

Литература

1. Башкова И.В. Принципы репрезентации текстового концепта, или Грамматика концептосферы // Современная филология: актуальные проблемы, теория и практика. Красноярск: Изд-во Красноярского гос. ун-та, 2005. С. 189–194.
2. Белый А. Мастерство Гоголя: М.; Л.: Гос. изд-во художественной литературы, 1934. 353 с.
3. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959. 654 с.
4. Литературный энциклопедический словарь / Под общей редакцией В.Н. Кожевникова и П.А. Николаева. М.: Сов. энциклопедия, 1987. 752 с.
5. Маркова В.А. Формирование коммуникативной компетенции у иностранных студентов-филологов на материале художественного текста // Электронный научный журнал. 2015. № 3 (3). С. 177–183 // URL: <http://co2b.ru/docs/enj> (дата обращения: 20.01.2025).
6. Маркова В.А. Лингвостилистический анализ текста в группах иностранных студентов-филологов // Слово. Грамматика. Речь: Сборник научно-методических статей по преподаванию РКИ. Вып. IX. М.: МАКС Пресс, 2007. С. 103–111.

7. Маркова В.А. и др. 2011 — Программа по русскому языку для иностранных студентов-филологов: практический курс / Отв. редактор В.А. Маркова. М.: Макс Пресс, 2011. 160 с.
8. Пассов Е.И. Программа-концепция коммуникативного иноязычного образования. «Развитие индивидуальности в диалоге культур». М.: Просвещение, 2000. 159 с.
9. Пассов Е.И. Технология диалога культур в иноязычном образовании. Липецк: Методическая школа Пассова, 2005. 39 с.
10. Сковородников А.П. Ирония // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М.: Флинта: Наука. 2003. С. 227–229.
11. Сперанская А.Н. Изучение ключевых идей русской культуры на материале малых форм словесности в иноязычной среде // Традиционные и новые технологии в преподавании русского языка как иностранного: Материалы III Международной научно-практической конференции. 20 февраля 2025 г. / Под ред. С.А. Вишнякова. М.: Издательство МПГУ, 2025. С. 581–586.

Источники языкового материала

1. Булгаков М.А. Белая гвардия; Мастер и Маргарита: Романы. Минск: Белорусская сов. энциклопедия, 1988.
2. Гоголь Н.В. Сочинения в двух томах. М.: Худ. литература, 1971.
3. Счастливчик. Юмористические рассказы русских писателей (конец XIX — начало XX века). М: Русский язык, 1983.
4. Хрестоматия по русской литературе XIX в. М: Русский язык, 1986.
5. Чехов А.П. Собрание сочинений в восьми томах. М: Правда, 1970.

The System of Working on Understanding the Ironic Subtext in the Russian as a Foreign Language Classes

Elena B. Demidova,

Ph.D. in Philology, Associate Professor

Moscow Pedagogical State University (*Moscow, Russia*)

E-mail: lena2707@yandex.ru

This article examines the problem of understanding literary texts in a foreign audience. The author argues that, despite their strong desire to read Russian classic literature, the deeper meaning of many works often remains beyond the comprehension of foreign students. Moreover, the ironic subtext, a crucial component of the style of many classic Russian writers, proves particularly difficult to perceive and comprehend. The author demonstrates that systematic and systematic work in Russian as a foreign language classes is needed in this area; special attention must be paid to the linguistic means of creating an ironic effect. The article demonstrates the logic of a comprehensive analysis of the linguistic means of expressing irony, considering lexical, word-formation, morphological, and syntactic means.

Key words: literary text, foreign students, ironic subtext, linguistic means.

*Статья подана 1 апреля 2025 г.
Одобрена к публикации 26 мая 2025 г.*

«Развитие интеллектуальных способностей учащихся и применение искусственного интеллекта в процессе обучения русскому языку»: Международная научно-практическая конференция

В.Д. Янченко (Москва), И.И. Языков (Москва), Н.В. Медведева (Пермь)

27–28 марта 2026 на кафедре методики преподавания русского языка Института филологии Московского педагогического государственного университета состоялась Международная научно-практическая конференция «Развитие интеллектуальных способностей учащихся и применение искусственного интеллекта в процессе обучения русскому языку». Конференция объединила ведущих отечественных и зарубежных специалистов в области преподавания русского языка как родного (РКР), неродного (РКН) и иностранного (РКИ). В её работе приняли участие в очном и дистанционном форматах более 120 русистов из Москвы и Московской области, Санкт-Петербурга, Абакана, Армавира, Великого Новгорода, Казани, Калуги, Красноярского края, Курска, Луганска, Новосибирска, Оренбурга, Пензы, Перми, Ростова-на-Дону, Рязани, Самары, Ставрополя, Томска, Туапсе, Хабаровска, Херсонской области, Ялты, а также из ближнего и дальнего зарубежья: Вьетнама, Китая, Сирии, Таджикистана.

В первый день конференции в ходе пленарного заседания прозвучали 17 докладов.

Заседание открыла почетный профессор МПГУ д.пед.н. А.Д. Дейкина. В докладе были рассмотрены проблемы интеллектуальной ценности лингвометодики в условиях применения в

образовательной среде искусственного интеллекта (ИИ). Затем прозвучали доклады академика РАО, д.пед.н. проф. В.В. Серикова; д.пед.н. проф. МИРЭА Т.Ш. Шихнабиевой; чл.-корр. РАО д.пед.н. заслуженного проф. МГУ им. М.В. Ломоносова и почётного проф. Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина Л.П. Клобуковой (в соавторстве Н.Д. Майоровым); д.пед.н. проф. РУДН им. П. Лумумбы В.И. Шляхова (в соавторстве с к.пед.н. доц. К.Е. Агафоновой); д.пед.н., зав. кафедрой русского языка как иностранного Н.А. Исаевой и Д.А. Хохловой (Калуга, КГУ им. К.Э. Циолковского). Первая часть пленарного заседания завершилась презентацией новых изданий кафедры методики преподавания русского языка Института филологии МПГУ, представленная ее заведующим, д.пед.н. проф. В.Д. Янченко.

Во второй части пленарного заседания выступили д.пед.н. доц. О.А. Скрябина (РГУ им. С.А. Есенина, Рязань); д.пед.н. О.Е. Дроздова (МПГУ); к.пед.н., независимый исследователь Н.В. Ладыженская (Москва); к.фил.н., зав. кафедрой русского языка и литературы Херсонского гос. педагогического университета Матвиенко А.И.; д.пед.н. проф. О.Н. Левушкина (МПГУ); к.пед.н. В.И. Ковалев (Луганск) и др.

Секционные заседания были организованы во второй день конференции и работали по трем направлениям:

1) Познание как интеллектуальная основа личности в эпоху цифровизации (ведущие — д.пед.н. проф. В.Д. Янченко и к.фил.н. доц. Н.В. Медведева); 2) Перспективы развития интеллектуальных способностей учащихся (ведущие — д.пед.н. проф. О.Н. Левушкина и к.пед.н. проф. Л.Ю. Комиссарова); 3) Развитие интеллектуальных способностей учащихся в процессе обучения РКИ (ведущие — д.пед.н. проф. А.Ю. Устинов и к.пед.н. доцент И.И. Языков).

В первой из указанных секций были обсуждены дискуссионные вопросы, касающиеся развития когнитивной сферы и возможности применения ИИ в обучении на уровнях школьного и вузовского образования. Представленные доклады были посвящены теории когнитивной лингвистики и практике развития когнитивных способностей в обучении русскому языку. В секции прозвучали доклады к.п.н. В.Ю. Макаровой (МПГУ), к.п.н. В.И. Бычкова (Ресурсный центр «Медицинский Сеченовский Предуниверсарий», Москва) и к.фил.н. доц. Н.В. Медведевой (МГГПУ, Пермь).

Выступления молодых ученых были представлены в данной секции в стендовом формате: М.А. Королькова (Липецк), М.Д. Матвеева (МПГУ), П.С. Наскалов (МПГУ), Н.М. Алифанов (МПГУ). О возможностях использования цифровых методик обучения РКИ информировали в своих докладах А.Д. Черняева (МПГУ), Ли Чживэй (Китай), Ву Тхи Лан (Вьетнам) и др.

Итоги этого секционного заседания были подведены с учётом перспективных идей, отраженных в прозвучавших докладах. Речь шла об интеграции традиционной методики преподавания русского языка (РКР, РКН, РКИ) на всех уровнях образования и о реальных возможностях ИИ в процессе обучения русскому языку (что осуществимо только с учётом методической целесо-

образности и глубокого изучения уместности инструментария ИИ). Мера и степень оценки пользы и рисков введения в учебный процесс ИИ является основным критерием при отборе цифрового ресурса.

Во второй секции, где обсуждались перспективы развития интеллектуальных способностей учащихся, прозвучали доклады д.пед.н. проф. Т.Ф. Новиковой (Самара), к.пед.н. проф. Т.Н. Сокольниковой (Санкт-Петербург), к.пед.н. доц. А.Н. Бренчугиной-Романовой (МПГУ), а также аспирантов Д.Д. Директоровой (МПГУ), О.О. Катанаевой (МПГУ) и др.

В рамках третьей секции, посвящённой обсуждению проблем развития интеллектуальных способностей учащихся в процессе обучения РКИ, выступили с докладами д.пед.н. проф. А.Ю. Устинов (МПГУ), д.пед.н. проф. Н.В. Кулибина (Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина), к.фил.н. доц. Е.В. Лаврентьева (Новосибирск), к.фил.н. Ю.Б. Мартыненко (МПГУ), к.пед.н. доц. И.И. Языков (МПГУ), учитель русского языка Махмуд Амир Махмуд (г. Банияс, Сирийская Арабская Республика), к.пед.н. Су Цинси (г. Чунцин, Китай), к.пед.н. Ли Яньпин (Вэйнань, Китай), а также аспиранты Ли Чживэй (Китай), Ву Тхи Лан (Вьетнам) и др.

Осмысление на конференции актуальной проблематики, касающейся применения искусственного интеллекта в процессе обучения русскому языку (в частности РКИ) и роли ИИ в развитии интеллектуальных способностей учащихся, позволило сделать вывод, что ИИ не является заменой классических методов обучения, а служит инструментом для расширения возможностей лингводидактики. Технологии ИИ не способны полностью заменить работу педагога-словесника, но они открывают новые возможности для дополнения и расширения палитры традиционного методического инструментария.

Памяти Кире Анатольевны Роговой (15.2.1931–25.2.1926)

25 февраля 2026 года ушла из жизни Кира Анатольевна Рогова, почётный профессор Санкт-Петербургского государственного университета, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания СПбГУ. Она была истинным университетским профессором, признанным экспертом в области стилистики русского текста и преподавания русского языка как иностранного (РКИ), родоначальницей целого ряда направлений исследований в сфере РКИ, одним из инициаторов создания российской государственной системы тестирования по РКИ.

Кира Анатольевна родилась 15 февраля 1931 года в Ленинграде. В 1949 году она поступила в Ленинградский государственный университет на русское отделение филологического факультета. По окончании университета в 1954 году ее рекомендовали в аспирантуру при кафедре общего языкознания. Здесь К.А. Рогова под руководством Юрия Сергеевича Сорокина защитила в 1957 году новаторскую диссертацию о порядке слов в современном русском языке, рассмотрев свою тему под функциональным углом зрения. Эта работа сразу была замечена специалистами в области русского синтаксиса и стилистики.

Педагогическая деятельность К.А. Роговой началась на общеуниверситетской кафедре русского языка в 1957 году с преподавания РКИ. Именно эта сфера русистики стала приоритетной в ее научных изысканиях. В соавторстве с коллегами уже в 1960-е годы она написала экспериментальную программу по РКИ для основного этапа обучения. Под ее редакцией вышли учебники по русскому языку для иностранцев-филологов, не утратившие своего значения и сегодня, полвека спустя.

С 1966 года в течение 20 лет Кира Анатольевна Рогова обучала студентов-журналистов, была сначала доцентом, затем профессором кафедры стилистики и редактирования ЛГУ, руководила кафедрой стилистики и редактирования (1972–1986). Здесь под ее редакцией и при ее соавторстве под грифом Министерства высшего образования СССР вышло учебное пособие по стилистике «Практическая стилистика русского языка: функциональные стили». Новаторство книги заключалось в развитии научных представлений о функциональных стилях и их жанрах, в разработке методического подхода, формирующего у студентов умение на основе стилистического анализа производить собственные тексты, что обеспечило востребованность книги в подготовке русистов и журналистов как в нашей стране, так и за рубежом. Будучи авторитетным специалистом в области журналистики, профессор К.А. Рогова была избрана членом научно-методического совета по журналистике при Минвузе СССР.

Важным этапом исследовательской деятельности К.А. Роговой стал анализ речевых особенностей функционирования выделенных ею стилистически маркированных синтаксических конструкций в структуре публицистических текстов начала XX века. Эти исследования легли в основу ее новаторской докторской диссертации «Экспрессивно-стилистические формы синтаксиса в публицистической речи» (1979).

Творческая натура и организаторский талант К.А. Роговой в полной мере проявились в административной деятельности, когда она возглавляла кафедру русского языка для иностранцев-филологов (1986–1999) и факультет русистики (1989–1993) до момента слияния последнего с филологическим факультетом СПбГУ. Профессор Рогова как ведущий специалист в области русистики была назначена председателем научно-методического совета по РКИ при Минвузе РСФСР (1986–1992).

Совместно с преподавателями кафедры русского языка для иностранцев-филологов ЛГУ К.А. Рогова еще в начале 1990-х подготовила предложения по внедрению системы тестов по РКИ. Минвуз одобрил эти предложения, а затем к ленинградским лингвистам присоединились коллеги из МГУ, Института русского языка имени А.С. Пушкина и РУДН. Представители этих четырех учебных заведений создали российскую государственную систему тестирования по русскому языку как иностранному. В ходе реализации этого проекта были разработаны и изданы теоретическое обоснование, комплекс типовых тестов для II, III и IV (высшего) уровней владения РКИ, а также соответствующие государственные образовательные стандарты, лежащие сегодня в основе организации преподавания и контроля по РКИ в России и признанные в международных инстанциях. На основании созданных К.А. Роговой моделей тестирования эта система работает и сегодня.

Любимым направлением исследований К.А. Роговой был, несомненно, художественный текст. Обладая энциклопедическими знаниями в области культуры, она основала Петербургскую школу анализа текста, в которой была разработана оригинальная методика изучения текста, представляющая собой восходящую линию осмысления от композиционных частей к смыслу целого текста. Результаты работы школы воплотились в пяти коллективных монографиях.

Многочисленные ученики Киры Анатольевны стали профессорами, возглавляют кафедры русского языка во многих российских вузах. Под ее руководством защищены 5 докторских и 40 кандидатских диссертаций. Она была членом правления Российского общества преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ), до последних дней являлась главным редактором научно-методического журнала РОПРЯЛ «Мир русского слова», который считается одним из лучших в области русистики.

Профессора Рогову знали и ценили коллеги не только в России, но и за рубежом: она работала в качестве приглашенного профессора в Дюкском университете (США), в Пекинском университете (КНР). Ее лекции и доклады были востребованы в США, Гане, Германии, Дании, Италии, Китае, Финляндии, Франции. Многочисленные публикации К.А. Роговой в иностранных университетских изданиях приумножили авторитет СПбГУ и русской филологической школы. В декабре 2025 года профессор Рогова была признана дипломантом Всероссийского конкурса исследователей русского языка и литературы имени Л.А. Вербицкой (в номинации «За верность русской словесности и культуре»), который проводился Российской академией образования при поддержке Минобрнауки РФ.

Светлая память о Кире Анатольевне Роговой, выдающемся ученом и педагоге, навсегда сохранится в наших сердцах.

*М.В. Корышев, декан филологического факультета СПбГУ
Т.И. Попова, профессор кафедры РКИ и методики его преподавания СПбГУ*